

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ПРИЗРАК БОЛЬШОГО ГОРОДА

Ольга Геннадьевна Володарская

Призрак большого города

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433002

Призрак большого города: роман: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45372-6

Аннотация

Мама Герды верила в магию имен, поэтому и назвала дочь столь необычно. Жизнь Герды и правда оказалась похожа на сказку: ее любимого мужа Костю увезла Снежная Королева – богатая и властная бизнес-леди из Петербурга, Снежана Мороз. Герда отправилась в путь, чтобы вернуть своего Кая, но ей не удалось растопить слезами его сердце – он остался со Снежаной. И был рядом, пока не умер...

Костя погиб в ледяном замке его королевы. Тело обнаружила Герда, после долгих лет разлуки все же решившая вырвать мужа из плена. Но кто и почему убил ее Кая? Неужели из-за наследства, завещанного Косте смертельно больной Снежаной? Или любимый девушки нажил врага, который пошел на все, чтобы отомстить? Герда еще не знала: тот, кто убил Костю, имеет на ее счет свои планы...

Содержание

Пролог	4
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	71
Часть II	90
Глава 1	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ольга Володарская

Призрак большого города

Роман

Пролог

Герда искала своего Кая...

Она блуждала по огромным залам дворца, где все было бело-серебристым и холодным, будто вырезанным из льда. Она заглядывала в темные, совершенно не отапливаемые комнаты, в которых громоздилась старая, покрытая то ли пылью, то ли инеем мебель. Она пересекала длинные, гулкие коридоры, где за ней носился ветер, а одинокие залетающие через плохо закрытые окна снежинки устраивали в ее честь ритуальные танцы...

Герде казалось, что она одна в этом огромном ледяном замке, но она точно знала: это обман. Кроме хозяйки, ее подданных, прислуги и гостей в нем еще находится Кай. Он где-то рядом, и она обязана его найти.

Ступив на узкую лестницу, ведущую в подвал, Герда поехала. Она уже продрогла до костей, и лучше ей было вернуться туда, где тепло, но она не привыкла отступать. Ради Кая Герда преодолела тысячи километров, и теперь, когда

их разделяли какие-то жалкие метры, разве могла она повернуть назад?

Глубже запахнув свою шубку, так кстати накинутую в последний момент на плечи, а озябшие пальцы утопив в пушистый мех воротника, Герда начала спуск. Ступени лестницы были гранитными, и каждый ее шаг сопровождался гулким эхом. Если Кай в подвале, он обязательно услышит его и пойдет ей навстречу... По крайней мере, Герда очень на это надеялась!

Ступеньки кончились. Герда увидела перед собой приоткрытую дверь подвала. Толкнув ее, она переступила порог...

Помещение было освещено очень слабо. Герда увидела только низкий свод потолка, к которому и был прикреплен фонарь. Сняв его с крюка, она вытянула руку и посветила в пространство...

Кай оказался всего в трех метрах от Герды. Он сидел на полу, привалившись к стене, а его синие глаза были устремлены куда-то вверх. Как будто Кай хотел проникнуть взглядом через гранит, железобетон, камень, стекло и черепицу и увидеть небо... Небо, которое еще не так давно рассекали косяки улетающих на юг птиц. Кай сам был родом из теплых краев и наверняка мечтал попасть туда в ту секунду, когда возвел глаза к потолку, потому что в следующий миг он умер. Захолустный городок на юге России, тот самый, где он вырос и который покинул при первом удобном случае, был, бесспорно, лучше загробного царства...

Тем более Кай всегда в него, в царство это, верил и считал, что ад совсем не такой, каким его рисуют. Кипящая лава и раскаленные сковородки? Это он пережил бы если не легко, то довольно спокойно. Ад — это лед, холод, безликая белизна снежных покровов, пронизывающие ветры, бесконечное одиночество...

Ад — это вымерзшая планета! И Кай, похоже, угодил именно на нее!

Герда подошла к трупу того, кого так долго искала, а нашла только сейчас, когда уже ни поговорить, ни ощутить дыхания, ни помочь, ни простить. Подошла и коснулась застывшего лица. Оно оказалось ледяным. Как ад из кошмаров Кая. А в его синих глазах застыла такая обреченность, что хоть плачь. И Герда заплакала. Горячие слезы покатались по ее лицу и стали капать на грудь Кая. Но они не смогли растопить лед его сердца. А все потому, что в нем находился не кусок волшебного зеркала, а пуля крупного калибра. Она образовала в грудной клетке Кая такое огромное отверстие, что вырвавшаяся из него кровь залила его белоснежную рубашку и даже брюки...

Герда переместила руку с фонарем левее, чтобы спрятать труп Кая в темноте. И тут желтый круг света попал на валяющееся на полу охотничье ружье. Это была двустволка с красивым резным прикладом. Герда подняла ее, понюхала дуло. Пахло порохом. Значит, Кая застрелили из этого ружья!

Еще один патрон...

Как будто специально для нее!

Герда сложила ружье. Медленно поднесла его к своей груди, положила указательный палец на курок и...

Часть I

Глава 1

Мама Герды, Анна, верила в магию имен. Поэтому, когда она узнала о своей беременности, первое, чем озабочилась, – это подбором имени для своего еще не рожденного чада. Аня не могла знать точно, какого пола будет ребенок, но процентов на восемьдесят была уверена, что женского, и больше рассматривала девчачьи варианты. Властелина. Се-рафима. Епифания. Ариадна. Стефания. Марианна. Земфира. Лейла. Анаис...

Ане было все равно, какого происхождения будет имя ее дочки. Славянское, греческое, арабское, не важно, главное, чтобы звучало красиво и имело емкое значение. Долгое время она отдавала предпочтение имени Виктория. Но когда оказалось, что в их доме уже проживают две Вики, одна – еще совсем кроха, но уже хворающая, а второй пошел пятый десяток, и она до сих пор не замужем, Настя решила поискать другие варианты.

Жила будущая мать одна. Тот, от кого она забеременела, не был ее мужем. Всего лишь любовником, с которым Аня встречалась четыре раза в год. Звали его Виктором. Он жил в столице, был женат, имел сыновей-погодков, занимал круп-

ную должность на каком-то заводе и часто ездил в командировки. В их городке он бывал раз в квартал. Селился в единственной гостинице, администратором которой Аня работала. Там они и познакомились. Там и встречались. Там и зачали по прошествии двух лет ребеночка. О своей беременности Аня узнала, когда любовник уже отбыл домой. Телефона его она не имела, поэтому поделиться радостной новостью с Виктором не могла. Но Аня не сомневалась, что он будет рад и не оставит ее. Жениться, понятное дело, не захочет, но ребенка поднимать поможет. Особенно если девочка родится. Виктор много раз говорил ей, что мечтает о дочке, но у него два сына и в придачу три племянника. В Анином же роду женщины рожали исключительно себе подобных. У самой Анны была еще сестра. У их покойной матери тоже. А у бабки аж пятеро. Ее мать, считай, Анину прабабку, муж из-за этого бросил. Сказал, мечтаю о сыне, а ты только и способна, что баб мне рожать. И ушел к другой, молодой вдове, у которой уже был мальчишка. Она ему быстро подарила наследника.

В общем, род Ани пошел из какого-то загадочного женского царства, и она не сомневалась, что тоже родит девочку. Это радовало! Как с пацанами обращаться, она представления не имела. А вот с девочками – очень хорошо ладила. И родную сестру свою нянчила, и двоюродную. У первой, кстати, тоже родилась дочка. А вот двоюродная, Вера, удивила. За три месяца до того, как Аня узнала о своей беременно-

сти, та произвела на свет мальчика. Назвала Костей. В честь деда. А отчество дала отцовское – муж Веры ушел от нее, когда она была на третьем месяце. И это ее не удивило. Ибо женщинам их рода катастрофически не везло в личной жизни. Их либо бросали, либо просто не находили, и барышни оставались старыми девами, поскольку отличались крайней порядочностью и заводить внебрачные отношения считали делом аморальным.

Аня была первой в роду, кто наплевал на семейные традиции и потерял невинность, не вступив при этом в брак. Хорошо хоть осуждать ее за это было некому: старые девы к тому времени все поумирали, а сестры, родная и двоюродная, жили в других городах.

О своей беременности Анна им до поры не сообщала. Боялась, что осудят. Да и теплилась в ней слабенькая надежда на то, что любимый, узнав о ее интересном положении, пересмотрит свое к ней отношение, и если руку и сердце не предложит, то хотя бы станет чаще приезжать, и тогда перед сестрами можно будет сделать вид, что они женаты.

Но ее скромным мечтам не суждено было сбыться. Когда пришел черед любовнику явиться в их городок, вместо него туда приехал совершенно другой человек. Молодой и какой-то несолидный. Он представился Петром Ивановичем, тогда как тянул только на Петьку, и сообщил, что теперь он занимает пост Виктора Анатольевича. Аня, узнав об этом, перепугалась. Решила, что с Витюшей (так она его называла)

случилось что-то нехорошее. Заболел, к примеру, или того хуже – умер. Ведь не мальчик уже, сорок пять лет, а работа нервная. Но оказалось, все не так страшно. Виктора Анатольевича повысили до директора завода, и теперь ему по штату не положено таскаться по командировкам.

Аня за любовника порадовалась, но через какое-то время ее стало одолевать чувство обиды. Что ж он ей-то не сообщил? Мог бы позвонить в гостиницу, номер у него есть, и донести до ее сведения, что вместо него придет другой. Ведь она ждала его. А он говорил, что Аня для него не просто удобная во всех отношениях любовница командировочного периода, а женщина, к которой он прикипел душой. В общем, решила она сама с ним связаться. Номер телефона секретариата завода она узнала легко и, набрав его, попросила соединить ее с директором. Барышня, сидящая на телефоне, сообщила, что Виктор Анатольевич на совещании. Настя просила передать Виктору Анатольевичу, что с ним желает поговорить Андреева, секретарша обещала это сделать, но прошла неделя, а от любовника вестей так и не поступило.

Пришлось попытку повторить. А затем еще раз. Но результат был тот же: Виктор Анатольевич был либо на совещании, либо в министерстве, либо на производстве. Аня оставляла для него сообщения, и их якобы передавали, но отец росшего в ее утробе дитя так ни разу ей и не позвонил.

Анна сделала вывод, что в новой жизни Витюши ей боль-

ше нет места (а коль так, то и ее ребенку), и запретила себе о нем вспоминать. А то от всей этой нервотрепки чадо может нервным родиться!

Срок подходил к концу, а имени для дочки Аня так и не выбрала. Зато она много гуляла, хорошо питалась, принимала витамины. А еще слушала классическую музыку, смотрела только добрые фильмы и читала вслух детские книжки. По ее мнению, все в комплексе должно было благотворно сказаться на ребенке.

Однажды, когда Аня читала сказку Андерсена «Снежная королева», она решила назвать свою дочку Гердой. Чтоб девочка выросла такой же смелой, самоотверженной, доброй и счастливой. Имя это было скандинавское. Переводилось как Защитница. И звучало красиво. Как само по себе, так и в сочетании с фамилией – Андреева.

Родилась Герда в положенный срок. Здоровенькая и симпатичная. У других мамочек детки родились нескладные: у кого голова баклажанчиком, у кого мордашка сморщенная, у кого ножки толстущие, а Анина девочка с первых дней была ладненькой, или, как выразилась бы мама-покойница, справной. И характер сразу проявила невздорный. По пустякам не капризничала, но и забыть о себе не давала.

Выписавшись из роддома, Аня вернулась в свою маленькую квартирку, доставшуюся ей от одной из старых дев, и стала поднимать на ноги Герду. О своем материнстве она сестрам до поры не рассказывала. Но когда пришло время

девочку крестить, оказалось, что в крестные взять некого, и Аня решила рассекретиться. Лена, родная сестра, приехать не смогла, она на Камчатке жила. А вот двоюродная, Вера, явилась. С маленьким Кости́ком, которого не на кого было оставить. Она стала крестной Герды...

Крестной, а спустя шесть лет и приемной мамой.

Аня умерла в возрасте тридцати четырех лет от рака легких, хотя никогда не курила и на вредных производствах не работала. Сгорела за несколько месяцев. Все думала, что бронхит не долечила и не ходила к врачам. Занималась самолечением: пила бромгексин, ставила на грудь горчичники, грелась над картошкой. Когда хворь не прошла, обратилась-таки к специалистам. Диагноз ей поставили сразу. Рак. Сказали, жить осталось месяц. От силы – полтора. Но Аня продержалась три. А все потому, что не знала, на кого оставить ребенка. И вот когда стало ясно, что Вера возьмет Герду, Аня со спокойной душой умерла.

Глава 2

Маленькая Герда очень хорошо запомнила тот момент, когда оказалась в поселке, где ей предстояло жить. Наступил вечер. Было темно. Поезд, в котором она ехала с теткой, остановился на каком-то полустанке. Они вышли: тетя Вера энергично и немного суетливо, держа в каждой руке по чемодану и паре котомок, а Герда опасливо. Она за свою маленькую жизнь ни разу не ездила дальше районного центра, где имелся кукольный театр, а тут пришлось больше суток трястись в поезде, а теперь выходить из вагона, ставшего за тридцать пять часов почти родным, в новый, неизвестный мир. В нем было все непривычно. Особенно ароматы. Тот мир, который она покинула совсем недавно, был напоен всем другими запахами. В нем пахло влажной землей и прошлогодней прелой травой. В нем только начинали бежать ручьи и проклевываться из-под льда асфальт. В нем деревья и кусты едва избавились от снежного налета и лишь готовились налиться живительным соком. В новом же мире не было ни снега, ни влажности, ни прохлады, ни томительного ожидания. Он уже давно пробудился от зимней спячки (если когда и погружался в нее), и воздух в нем оказался напоен такой ласковой теплотой, что Герда зажмурилась, вдохнув его.

– Детка, ты чего? – нервно спросила тетя Вера. – Укачало тебя, что ли? Голова кружится?

Герда помотала головой, которая на самом деле кружилась. Но не из-за того, что девочку в поезде укачало. Дело заключалось совсем в другом, более приятном ощущении. Герде было так сладко смаковать этот похожий на нежнейшее суфле воздух, так приятно вдыхать его и улавливать все оттенки цветочных и древесных ароматов, так волнительно отмечать его непохожесть, новизну, напоенность какой-то невероятной жизненной силой, что она ощутила головокружение и легкую дрожь в конечностях. Точно так же Герда чувствовала себя, когда впервые попробовала шоколадное суфле, ставшее впоследствии ее излюбленным лакомством, и когда получила в подарок куклу Барби, несбыточную мечту всех девочек ее двора, и когда увидела Васю Славина, мальчика, которого она сразу посчитала самым замечательным на свете. Короче говоря, Герда в четвертый раз за свою жизнь влюбилась, и уже не в мороженое, куклу или мальчика, а в край, где оказалась.

Со станции они с теткой долго брели пешком до дома. Время было позднее, и автобусы уже не ходили. Вера передвигалась еле-еле, она так вымоталась за последние дни, что чуть не падала, а Герда чувствовала себя лучше. Да, она устала, но ей было очень интересно осматривать новый мир. В нем даже дома были другими. Город, где она выросла, считался промышленным, и в основном там стояли многоквартирные «коробки» в пять или девять этажей, дымили трубы заводов, и по дорогам сновали грузовики и легковушки.

Тут же было все не так! Аккуратные домики с палисадниками, по заборам плетутся виноградные ветви, во дворах уютные навесы, диваны, мангалы. Пустынная асфальтовая дорога, вдоль которой растут не привычные тополя, а изящные кипарисы. Вдали вместо сумрачных заводских трафаретов – остроконечные горные пики. И тишина...

– Вот мы и пришли, – облегченно произнесла тетя Вера, останавливаясь возле железного забора, украшенного причудливыми вензелями. – В доме свет, значит, не спят...

Про кого она говорит, Герда не догадывалась. Она знала, что у тетки есть сын Костя, и скорее всего именно он был в доме, но с кем Вера его оставила, Герда не имела понятия. Не одного же! К тому же тетка употребила глагол во множественном числе, так что...

– Приехали? – услышала девочка радостный возглас. – Ну, наконец-то!

– Сынок! – счастливо выдохнула тетка и, бросив котомки и чемоданы прямо на землю, кинулась во двор.

Герда посмотрела ей вслед и заметила, как от крыльца отделяется маленькая фигурка. К ней Вера и подлетела. Схватив мальчика в охапку (Герда сразу поняла, что это мальчик, хотя было темно и она видела лишь силуэт), прижала к груди.

– Ма-ааам, – протестующе протянул тот. – Ну, я же просил... Без этих твоих телячьих нежностей... Не люблю я!

– Прости, сынок, – сконфузилась Вера. – Просто я соскучилась.

– Я тоже, – сообщил Костя. – Дик, кстати, тосковал! Смотри, как радуется!

К тетке тут же подскочил огромный лохматый пес и, резво прыгая, норовил лизнуть хозяйку в нос.

– Фу, мальчик, фу! – придержала его Вера. – Домой!

Пес, возбужденно погавкивая, взбежал на крыльцо и скрылся за дверью. На Герду он внимания не обратил. Подумаешь, явилась какая-то девочка! Опасности для хозяев не представляет, ничего вкусного не даст, так зачем на нее отвлекаться?

– Ты Герда? – спросил Костя, оставаясь возле крыльца.

– Да, – ответила она и зачем-то тяжело вздохнула.

– А я Костян, – представился троюродный брат.

– Кость, ты возьми чемодан и котомку, – сказала ему Вера. – Я остальное. И пойдемте уже в дом. А то время позднее, ложиться пора...

Мальчишечья фигура пришла в движение, и Герда увидела, что Костя приближается к ней. Сначала она рассмотрела только его одежду: коротковатые штаны, вытянутую кофту, просторную рубашу под ней, и отметила, что одевают мальчика очень небрежно. Ее мама рядила, как куклу. Даже во двор Герда выходила гулять в отглаженных брючках или нарядном платье, а уж в кино или на утренники непременно в белых гольфах, белоснежной блузке, с крахмальным, по-королевски стоящим воротником и при гофрированных бантах. Герде не очень это нравилось, ей удобнее было в трени-

ровочных штанах и свитере, но Анна считала, что ее дочка не должна выглядеть неопрятно. К ней как к незаконнорожденной и так отношение особое, а уж если она покажется во дворе в грязных штанах или поношенной кофте, соседи скажут: вот девчонке не повезло, отца нет, а мать совсем за ребенком не следит, для чего рожала, непонятно.

– Тебе сколько лет? – спросил Костя, подходя. В темноте Герда плохо видела его лицо, но отметила, что у него широкая улыбка и огромные, невероятно блестящие глаза.

– Шесть, – ответила она.

– А мне уже семь с половиной. Я в первом классе учусь.

– А я только в этом году в школу пойду.

– Первый раз в первый класс? – хмыкнул Костя.

– Да.

– Я, наверное, во второй.

– Класс?

– Не... Раз!

– Я не понимаю...

– На второй год оставят меня. Поэтому пойду второй раз в первый класс.

– Ты двоечник? – ужаснулась Герда.

– Ага, – беспечно кивнул он, а затем не без гордости сообщил: – Училка сказала, что в интернат для умственно отсталых меня отправит, если я буду плохо учиться.

– Так ты учись...

– Неохота мне!

– Но ты же не хочешь в интернат.

– Почему? Хочу! Только не отправят меня туда, потому что я нормальный, просто ленивый. И хулиганю много. Так что меня на второй год оставят. И будем мы с тобой вместе учиться, в одном классе – у нас школа маленькая, всего двести учеников.

– Костя, Герда, где вы там? – донесся из дома Верин голос. – Заходите уже...

– Пошли, а то маманя ругаться будет, – выпалил Костя и бросился к чемоданам. – Я стараюсь ее не злить, а то гулять пускать перестанет. Она думает, что, если меня дома закрыть, я буду лучше учиться и меньше хулиганить, поэтому часто меня этим наказывает. Но я все равно уроки не делаю и палю в открытое окно из рогатки. Да только на улицу очень хочется. Мне без друзей скучно...

Он схватил поклажу и поволок ее к крыльцу. Для семилетнего мальчика ноша была очень тяжелой, но Костя не жаловался и не пытался спихнуть хотя бы одну котомку Герде. А когда она решила ему помочь, тряхнул головой и выдал:

– Это мужская обязанность – тяжести таскать! – И, втащив вещи в дом, открыл перед Гердой дверь: – Проходи! Только обувь снимай, я полы сегодня помыл.

Герда присела на корточки и принялась расшнуровывать ботинки.

– Еще я картошки наварил. И из подпола достал соленых помидоров. Так что поужинать будет чем... Или ты не хо-

чешь есть?

– Очень хочу, – призналась Герда. – А ты с кем тут жил, пока мамы не было?

– Один. Вернее, с Диком.

– Как? – ахнула девочка.

– А чего? Я уже большой.

– Ну, не совсем...

– Вот и мама так думает, – насупился Костя. – Подругу попросила, чтоб ночевать к нам приходила. Будто я маленький и боюсь темноты...

– А ты не боишься?

– Я ничего не боюсь! – заявил Костя с такой уверенностью, что Герда оторвала взгляд от шнурков, которые запутались, и подняла его на брата.

Сначала она увидела только его плотно сжатые губы и чуть выступающий упрямый подбородок. Потом разглядела редкие конопушки на чуть вздернутом носу, сведенные вместе выгоревшие брови, аквамариновой синевы глаза под длинными ресницами. Непослушную, криво подстриженную белобрысую челку и немного оттопыренные уши Герда увидела после того, как по ее телу пробежала дрожь. Поэтому и челка, и уши показались ей очень милыми, и она в пятый раз за свою короткую жизнь и во второй за длиннющий сегодняшний день поняла, что влюбилась.

И чувство к Косте не шло ни в какое сравнение с тем, которое она испытала к Барби, суфле и даже Васе Славину. Тут

было что-то грандиозное и, судя по ощущениям, долговечное. Герда вдруг поняла, что стоящий перед ней мальчишка – ее судьба. И без него ее не будет...

– Ты чего? – испуганно спросил Костя.

– Чего? – переспросила Герда, заставив себя оторвать взгляд от его лица.

– Смотришь так странно...

– Да задумалась просто, – успокоила мальчика Герда.

Костю это объяснение устроило, он вернул на свою мордашку привычную улыбку и махнул Герде, чтоб заходила.

Троюродные брат с сестрой сразу ладили.

Костя все же остался на второй год. И они с Гердой пошли в один класс. Учительница посадила их вместе, и это порадовало обоих. Но больше Герду, которая брата просто обожала. Ей он казался самым необыкновенным мальчишкой на свете. И красивым, и умным, и смелым. Герда ходила за ним буквально по пятам. Он на горную речку купаться – она за ним, он в садах фрукты воровать – она тоже, он тайком от мамы в соседнее село к приятелям – она на полшага позади. Боялась, что тетка ругаться будет, и все равно шла. Потому что гнев опекуниши – ничто по сравнению с тем удовольствием, которое Герда испытывала, находясь рядом с Костей.

Так они и жили. Герда восхищалась братом. Он ей это позволял. А еще позволял делать за себя уроки (благодаря чему мальчик исправно переходил из класса в класс) и выполнять домашнюю работу. Последнее реже, поскольку Костя

сам прекрасно с ней справлялся. Но иногда его одолевали приступы лени, и Герда мыла за брата полы или поливала огород. Зато в благодарность за это он разрешал ей вместе с ним забираться ночами на чердак заброшенного дома в конце улицы. По ребячьим слухам, когда-то в нем жила колдунья, а после того как ее убили, в нем обитало ее привидение. И поскольку повесили старуху на чердаке, то ее призрак бродит именно по нему. Днем многие мальчишки туда лазили. А ночью никто не осмеливался. Кроме Костика!

Жаль только, призрака он ни разу не увидел. Но надежды не терял и регулярно на чердак старого дома наведывался. Иногда брал с собой Герду. Для компании.

Надо сказать, что ребята были очень разными. И внешне, и по характеру. Костя – крупный, видный, энергичный. Герда – миниатюрная, скромная, немного медлительная. Он – светлый. Она – темненькая: кареглазая шатенка с приятно-смуглой кожей. Родственного сходства, хотя бы отдаленного, между братом и сестрой не наблюдалось, и многие в поселке считали, что девочку Вера взяла из детского дома. И, глядя на неразлучную парочку, усмехались. Жених и невеста подрастают!

Однажды Герда услышала, как мама одного из одноклассников сказала тете Вере:

– Смотрю на твоих и умиляюсь... Еще дети совсем, а уже свой выбор сделали.

– О чем ты? – не поняла та.

– У детишек твоих любовь. Гляди, через пару-тройку годков могут тебя бабкой сделать.

– Какая любовь? Они троюродные брат с сестрой.

– И что? Таким и официально жениться, и детей рожать можно. Так что ты смотри...

И Вера задумалась. Косте было уже тринадцать. Герде вот-вот исполнится двенадцать. Через пару годков (если не раньше!) половое созревание начнется, и тогда только следи, чтобы глупостей не наделали.

И тетя Вера стала следить! Да не через пару лет, а сразу, как у Герды месячные начались (к тому времени ее сын уже метил простыни ночными поллюциями), но оказалось, беспокоиться не о чем. Костя оставался сущим ребенком. Гонял на велике да в футбол играл. Герда же по-прежнему пребывала в статусе его верного оруженосца и никаких попыток поиграть во взрослые игры не предпринимала. И тетя Вера успокоилась! Ведь она не знала, что творится в душе Герды...

А в душе девочки бушевали бури, свирепствовали ураганы, на тихие берега ее спокойствия накатывали торнадо. И все эти катаклизмы вызывала в ней ЛЮБОВЬ! Да не детская, сравнимая с той, какую она питала к шоколадному лакомству, а настоящая, взрослая, со страстями, ревностью, мечтами. Да, Герда мечтала о многом, но главное – выйти за Костю замуж и прожить с ним до конца своих дней. И стоило ей представить, что он предпочтет другую, кровь закипала

и кулаки сжимались. Нет, он может быть счастлив только с ней... Только с ней! И если какая-то гадина посмеет отнять у нее Костю... То она... Она... Она...

Что сделает она с потенциальной соперницей, Герда точно не решила, она не могла допустить мысли, что Костя достанется кому-то другому. Только ей! Ведь она так его любит. За двоих, за троих, за весь мир...

Другие считали Костю не самым приятным парнем (слишком заносчивым, дерзким, самовлюбленным), и одна Герда знала – он самый лучший! И они созданы друг для друга. Как шоколадное суфле и хрустящая вафелька, воткнутая в него, как Барби и Кен, как теплый южный воздух и аромат цветущих растений, как море и небо, как небо и горы...

Как Герда и Кай!

О, если б ее мысли могла читать тетя Вера! Она бы не просто удивилась, она в буквальном смысле слова обалдела бы, ведь Герда всегда казалась ей крайне уравновешенной, спокойной, рассудительной. Вера считала, что Гердино серьезное, сосредоточенное лицо с задумчивыми карими глазами отражает ее внутреннюю безмятежность, а на деле оно скрывало, как ширма, все кипящие в душе страсти.

Герда (и в этом не было ничего удивительного) стала первой женщиной Кости. В семнадцать он уже едва себя сдерживал. Он созрел и хотел секса. И тут к нему начала липнуть одна баба. Соседка. Ей уже исполнилось двадцать пять, и она была разведена. Высокий, сформировавшийся Костя

казался старше своих лет, и женщина поглядывала на него с интересом. Тем более что он постоянно алчно пялился на ее грудь, и разбитная разведенка уже мечтала соблазнить аппетитного девственника, но тут вмешалась Герда. Она не могла позволить наглой соседке прибрать ее Костика к рукам (или к другим частям тела!), поэтому в один из вечеров, когда теть Вера была на дежурстве, Герда повела себя не как сестра, давний друг, Санчо Пансо, а как женщина. Сначала, когда они смотрели телевизор, просто опустила голову ему на плечо, потом обняла, после игриво пощекотала. У Герды не было никакого опыта, но понимание того, как надо себя вести, откуда-то пришло. И она, юная, не до конца сформировавшаяся физически, смогла его завлечь. Костя потерял свою невинность именно с Гердой. С ней же он открывал для себя мир сексуальных утех. И на ней в конечном итоге женился. Только произошло это гораздо позже и без всякой романтики. Костя тогда служил в армии (его забрали сразу после школы), Герда училась в институте. Юному вояке не давали отпуска, а он очень хотел погреться на южном солнышке, поесть маминой стряпни, повидаться с родными и приятелями и в одном из писем попросил сестру-друга-любовницу что-нибудь придумать. И Герда придумала! Сделала фиктивную справку о своей беременности и вызвала Костю домой ради того, чтобы они смогли пожениться. Парня для такого важного дела сразу отпустили, и молодые люди стали официальными супругами.

Глава 3

Когда Костя демобилизовался, Герда еще училась. Она уговорила мужа поступить в тот же вуз, помогла ему подготовиться к экзаменам. Костя стал студентом, и они поселились в отдельной комнате студенческого общежития и очень неплохо зажили.

Молодая семья держалась целиком на Герде. Если б не ее безграничное терпение, недетская мудрость и невероятная для худенького тела выносливость, их брак давно бы распался. Герда терпела все выходки мужа. Прощала нечастые, но совсем не скрывааемые измены, регулярные гулянки в компании однокурсников, похмельное хамство. Исправляла ошибки Кости в курсовых. Улаживала его конфликты (а конфликтовал он часто). Работала за двоих и никогда не отказывала Косте в ласке. Никогда! То есть отучившись, отработав, приготовив еду и прибравшись, она не отбрасывала жаждущего секса мужа, а с пионерской готовностью ему отдавалась. А после еще бежала к холодильнику, чтобы принести ему бутерброд, потому что знала – после секса ее благоверный хочет есть! И супруг все это принимал как должное, ведь в их паре любящей стороной была Герда, а Костя – позволяющей ей себя любить...

Миновало два года. Герда писала диплом и строила планы на будущее. По окончании института она намеревалась най-

ти работу, снять жилье, доучить мужа. Когда Костя станет дипломированным специалистом, она поможет ему устроиться на хорошее место, а сама уйдет в декрет. Ребеночка завести ей давно хотелось, но Герда была слишком здраво-мыслящей, чтобы родить в шестнадцать и двадцать – именно в эти годы она делала аборты, и после второго начала пить противозачаточные. Девушка не сомневалась, что жизнь ее сложится именно так, как она прогнозирует, но ее планы самым неожиданным образом были порушены...

Это случилось ранней весной. В их теплых краях уже зацветали сады и воздух был напоен такой сладостью, что, если его вдыхать через рот, на языке оставался легкий привкус то ли ягодного компота, то ли чая с фруктовыми наполнителями. В такие дни категорически не хотелось учиться, и Костя прогуливал лекции. В то время как его одноклассники, а уж тем более усидчивая жена, потели в душных, залитых солнцем аудиториях, он гулял по городу и пил ледяное пиво. Когда устал и проголодался, купил чебурек и сел на лавку автобусной остановки, чтобы спокойно перекусить. Едва его крепкие зубы вцепились в жирное тесто, как в полуметре от места его дислокации затормозил шикарнейший белый «Мерседес». Водитель выглянул на улицу и спросил у Кости:

– Где тут Академическая улица, не подскажешь?

– Подскажу, – откликнулся он, зачем-то швырнув чебурек в урну. – Едете прямо, затем на перекрестке сворачиваете направо, метров двести катите, потом...

Тут тонированное стекло плавно опустилось, и Костя увидел невероятной красоты женское лицо. Дама из «Мерседеса» некоторое время рассматривала Костю, затем скупой улыбнулась.

– Может, лучше покажешь? – хмыкнула дама, сверкнув глазами, похожими на льдинки. Ей было не меньше сорока. Старуха, по меркам двадцатидвухлетних парней, но Костя смотрел на ее точеное, пусть и чуть увядшее лицо и думал, что никогда не видел столь прекрасной женщины.

– Могу, конечно...

– Тогда запрыгивай.

Она распахнула дверцу, и Костя увидел красивейшие ноги, обтянутые тонким капроном: округлые колени, стройные голени, тонкие щиколотки, высокий подъем, узкую ступню... И белую лодочку на тонком каблуке, покачивающуюся на пальчиках. Прекрасная дама освободила свои аккуратные пяточки и играла туфелькой, будто собиралась ее обронить, чтобы Костя, как верный рыцарь, встал на колено и поднял ее...

– Мальчик, ты чего застыл? – услышал Костя насмешливый голос. – Или садись, или оставайся... У меня нет времени ждать.

И Костя нырнул в пахнувший кожей и духами салон.

– А ты красивенький, – заметила женщина, бесцеремонно окинув Костю взглядом.

К этому моменту он успел прийти в себя, перестал вести

себя как робкий подросток и небрежно бросил в ответ:

– Ты еще всей моей красоты не видела!

Зрелая прелестница рассмеялась:

– Дерзкий. Мне такие нравятся...

«А мне нравятся такие, как ты!» – мог бы сказать Костя, но промолчал. Потому что те женщины, с которыми он изменял своей супруге, были совсем иными... Другой возрастной категории. И, что греха таить, другого класса. Те были «эконом», а эта «люкс»... Даже ее белоснежный «мерин» проигрывал своей хозяйке в классе! И не очень ей подходил. Ей бы карету из платины. С россыпью бриллиантов. С сиденьями, отороченными лебяжьим пухом. И шестерку запряженных в карету белоснежных жеребцов...

– И как тебя зовут, милый мальчик? – проворковала дама на ухо Косте.

– А вас?

– Я – Снежана. Снежана Мороз.

И посмотрела со значением. Но Костя знать не знал, что Снежана Мороз – довольно известная женщина (бизнесвумен, светская львица), и ее скандальный развод с мужем-миллиардером наделал много шума в прессе. Он видел перед собой просто роскошную женщину и хотел ею овладеть...

Немедленно!

– А как вы посмотрите на то, что я к вам сейчас пристаю? – ляпнул Костя, не сумев удержаться. Зачем он это ска-

зал, дуралей? Ведь все равно они в машине не одни, и...

– Пристань, – сказала она.

Костя несколько секунд сидел неподвижно, и только глаза его метались туда-сюда. Он смотрел то на Снежану, то на ее шофера, то на нее, то на шофера...

– Так что же ты оробел? – подначила она Костю.

– Вот еще... Оробел!

И он схватил ее за ноги. Обхватил бедра руками, развернул к себе, затем взгромоздил даму на свои колени, рванул блузку на ее груди...

– Ого! Вот это мальчик, – хрипло прошептала она, прижавшись пышным бюстом к пылающему лицу Кости. А когда он жадно припал губами к проступающему сквозь нежное кружево лифчика соску, Снежана скомандовала шоферу: – Тормози и вали отсюда!

Тот исполнил приказание: через пару десятков метров заглушил мотор и тихо выбрался из салона. Оставшись одни, Снежана и Костя, сплетаясь, слившись, растворяясь друг в друге, занялись сексом.

Глава 4

Герда пришла из института на два часа позже обычного и думала застать мужа дома. Но его в их уютной общежитской комнатке не оказалось. Герда набрала его номер, но абонент оказался вне зоны действия сети. Такое случалось и прежде, поэтому она не удивилась и расстроилась лишь чуть-чуть. «Нагуляется, придет, – мысленно вздохнула Герда. – Ночью, а скорее под утро. Возможно, в помаде, но, проспавшись, ничего не вспомнит... Вернее, притворится. А я сделаю вид, что поверила в его лепет...»

Но Костя не оправдал ее прогнозов. Он явился вечером, часов в десять. Трезвый и какой-то пришибленный. Обычно он заваливался с шумом и криками, хлопал дверью, швырял обувь, громко рассказывал жене о том, как провел день, но сегодня... Вошел тихо, не разулся, едва слышно бросил Герде «привет» и проследовал в комнату. Оказавшись там, он вытащил из шкафа свою сумку и стал закидывать в нее вещи.

– Ты что делаешь? – спросила у него Герда.

– Уезжаю.

– Куда? На рыбалку? Но, Костя, еще только середина недели, и я бы тебе не советовала...

– Я уезжаю в другой город.

– В Краснодар?

– Какой, к черту?... – И он замолк. Вещи тоже собирать

перестал. Замер, опустив руки вдоль тела. Герда никогда не видела его таким и испугалась.

– Что случилось? – прошептала она. – Ты попал в беду?

Костя отрицательно мотнул головой, Герда заметила, что волосы у него слишком длинные. Обычно она следила, чтоб он вовремя ходил в парикмахерскую, потому что его вихры (уже не белокурые, а темно-русые) лежали черт знает как, и необходимо было часто стричься, чтобы они не топорщились над ушами и на затылке.

– Ты прости меня, Гердик, – проговорил Костя. Гердиком он называл ее в минуты наивысшего раскаяния. К примеру, когда она делала за него курсовую, а он переписывал ее с таким количеством ошибок, что ее зарубали.

– Тебя отчислили? – ужаснулась Герда. – Доигрался...

– Нет, я сам ухожу.

– Как?

– Очень просто – ухожу из института. А вот что совсем непросто – я ухожу от тебя!

Она прекрасно расслышала его слова. И их немудреный смысл дошел до нее. Но Герда все равно ничегошеньки не понимала...

– Я встретил женщину, – продолжал Костя. – Необыкновенную женщину...

– Как ее зовут? – Герда почему-то подумала, что ее муж увлекся кем-то из сокурсниц, и решила немедленно узнать, кем именно.

– Ее зовут Снежана... Снежана Мороз.

– Не знаю такую.

– Конечно, не знаешь. Она не отсюда.

– А откуда?

– Из Питера.

– Но что она тут делает?

– Приехала старый целлюлозно-картонный завод смотреть. Хочет купить, чтобы делать на нем упаковки для духов. У нее, видишь ли, косметическая фирма... – Он тряхнул головой. – Но это не важно! Главное, она сегодня уже уезжает и зовет меня с собой.

– А ты?

– А я согласился ехать. Не раздумывая.

– И давно вы с ней познакомились? – Герда задавала вопросы на автомате. Сама же пыталась до конца осмыслить тот факт, что Костя ее... бросает.

– Сегодня.

– Сегодня? – ахнула Герда. Удивление сменилось возмущением. – Ты что, совсем с ума сошел? Хочешь бросить все ради случайной знакомой?

– Еще раз прости меня. Я понимаю, что это удар для тебя, но не сомневаюсь, ты это переживешь... Ты же сильная девочка. За это я тебя и...

Герда с надеждой посмотрела на мужа. Пусть хоть сейчас скажет, что любил (никогда она не слышала от него этого заветного слова), и ей будет легче...

– За это я тебя и ценил, – рассыпал в прах ее надежды Костя.

– И только? – горько выдохнула Герда.

– Не только. Ты стала частью меня за эти годы. И если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь...

– Уходи!

– Ухожу. – Он рывком застегнул молнию на сумке. – Позвоню тебе, когда устроюсь. Знаю же, ты будешь волноваться. И маме пока ничего не говори. Я сам...

И ушел! Сначала потянулся к Гердиной щеке, но вовремя передумал (пожалуй, она ударила бы его!) и просто махнул на прощанье рукой.

Когда за Костей захлопнулась дверь, Герда вздрогнула, будто от пощечины. Ушел! Костя ушел...

Как такое возможно?

Вдруг Герде подумалось, что это галлюцинация. Плод ее больного воображения, иллюстрация ее страхов, тень ее вечной неуверенности...

«Никуда он не ушел! – сказала себе Герда. И мысленно хохотнула. Но очень нервно. – Мне все привиделось... Вот сейчас я подойду к шкафу, открою дверку и увижу на плечиках его любимый джинсовый пиджак от «Дольче и Габбаны». Костя купил его в секонд-хенде. Пиджак был с прорехой на рукаве и без пуговиц, но, когда я привела его в порядок, он стал настоящей Костиной гордостью. Костя носил его на все выходы и как-то сказал, что хотел бы быть похороненным

именно в нем...»

Герда подошла к шкафу, распахнула дверцу и...

Первое, что бросилось ей в глаза, – пустая вешалка. Та самая, на которой висел пиджак, все остальные вещи Кости – пара джинсов, футболки, свитера, носки и трусы – просто лежали на полках.

Герда закусила губу, чтобы не расплакаться (за годы брака она научилась держать себя в руках, а то пришлось бы вечно ходить с опухшими глазами), затем рванулась к окну, желая подышать свежим воздухом. Едва она выглянула на улицу, как увидела Костю. Он стоял возле шикарной белой машины и курил. Сумки при нем уже не было, ее убирал в багажник мужчина в строгом костюме, а из авто на Костю поглядывала женщина. Красивая... Но уже немолодая. Лет сорока, а то и больше.

«Это она! – поняла Герда. – Та самая... – И с невероятной тоской резюмировала: – Против нее у меня нет шансов...»

И она имела в виду не внешность. Сама Герда, хоть и не была столь эффектной, как блондинка в увозящем Костю белоснежном авто, считалась чуть ли не первой красавицей курса. Среднего роста, худенькая, с узким личиком и короткой стрижкой, она не с первого взгляда нравилась мужчинам. Но стоило рассмотреть ее: идеальные пропорции стройной фигуры, густоту небрежно постриженных каштановых волос, правильность черт, миндалевидные глаза, как становилось ясно – Герда хороша, очаровательна, соблазнитель-

на... Если б не Костя, за ней бегали бы толпы поклонников... За ней и бегали, когда Герда училась на первом курсе и еще была незамужней женщиной (пусть и напоминало это бег белок по кругу – усилий много, результат нулевой), но стоило всем увидеть Костю, как кавалеры сразу устарились, признав в нем непобедимого соперника...

Женщина из «Мерседеса», казалось, почувствовала взгляд Герды и, задрвав голову, посмотрела на ту, чьего мужа она уводила. «Да, с ней тягаться бессмысленно, – повторилась Герда. – И дело не в ее красоте. А в невероятной силе духа. И еще в богатстве!»

Уж кому, как не Герде, знать, что Костя мечтал о лучшей жизни. И началось это давно. Когда умер верный Дик, парень горевал так, будто похоронил близкого родственника. При этом он постоянно повторял, что, если б у него было много денег, он бы клонировал пса, и совсем скоро их дом наполнился бы лаем Дика-2. С тех пор разговоры о больших деньгах нет-нет да возобновлялись. А особенно в последние, студенческие годы. Косте было тошно обитать в десятиметровой общежитской комнатенке, он привык к простору их пусть и небогатого, но большого дома. А еще, оказавшись в городе, он захотел иметь если не машину, то хотя бы мотоцикл. И приличную одежду. И деньги на то, чтобы кутить не в чебуречной, а в ресторане. Заработать такие бабки, будучи очным студентом, не представлялось возможным, и Костя не работал. За гроши надрываться не хотелось, а на сносное су-

ществование хватало того, что приносила домой жена...

Пока Герда обо всем этом думала, Костя докурил и шагнул к задней двери. Мужчина в костюме тут же бросился, чтобы распахнуть ее перед новым фаворитом хозяйки. Сама же она по-прежнему не отрывала взгляда от Герды. И если поначалу она ее просто изучала, то теперь смотрела так, будто они играли в «гляделки» и ей во что бы то ни стало нужно было одержать над соперницей верх.

Герда резко запахла шторы. Но не потому, что спасовала, просто не хотела видеть, как Костя уезжает. Что угодно, только не это!

О том, что Костя бросил институт и ушел от Герды, стало известно уже на следующий день. Все сразу ринулись к «брошенке», чтобы посочувствовать (естественно, это был лишь формальный повод, на деле почти всем хотелось посмотреть, как бедняжка страдает), но Герда поразила как друзей, так и злопыхателей. Все ожидали застать ее в разбитом состоянии, она же сохраняла ледяное спокойствие. И на вопросы отвечала сухо, но вежливо. Да, Костя бросил институт. Да, уехал жить в другой город. Да, с женщиной. Нет, развода не потребовал.

Что в это время творилось в душе Герды, никто не знал. Даже она сама не знала... Потому что не могла дать определение тем чувствам, которые испытывала. Раньше были бури, торнадо, цунами, а теперь... Теперь затишье, но такое

гнетущее, что совершенно ясно – после него будет глобальная катастрофа. И Герда была не до конца уверена, что мир внутри ее переживет ее... Эту катастрофу.

Но пережил. Когда Костя позвонил, чтобы сообщить, что с ним все в порядке и теперь он живет в центре Санкт-Петербурга в пятикомнатной квартире, Герда ощутила внутри себя взрыв. Он был такой мощный и сокрушительный, что ей пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть. Когда она пришла в себя, нашла этому взрыву логичное объяснение (от нервного напряжения резко скакнуло давление), но, ощутив его, она подумала – мое сердце разорвалось на части... От горя! Или переизбытка любви. Когда Костя уехал, ее не на кого стало изливать, и любовь копилась, копилась, копилась, пока не разорвала ей сердце...

Костя закончил разговор, даже не спросив у Герды, как ее дела. То ли боялся, что она начнет жаловаться, то ли ему просто было все равно.

А Герда стояла, прислонившись к стене, и не понимала, почему ее сердце разорвалось, а она не умирает?

Глава 5

Она окончила институт (хотя желание бросить все и мчаться в Петербург за мужем возникало регулярно), решив не только довести до конца начатое, но и дать Косте время осознать свою ошибку. Неделю, две, три можно продержаться на голой страсти, на чувстве, подкрепленном материальными благами, – месяц, два, но как находиться рядом с женщиной, которая тебе не ровня, долгое время? Костя точно не сможет. Не такой он человек. Наверняка уже двадцать раз пожалел о своем скоропалительном решении, но вернуться в прошлую жизнь гордость не позволяет.

И Герда, получив диплом и даже не заглянув на выпускной бал, поехала на вокзал. Она решила вернуть своего Кая. Вырвать его из лап Снежной королевы и увезти из холодных краев в теплые, родные, благословенные. Герда взяла билет и поехала. Конкретного адреса Костя не назвал, но она не сомневалась – замок Снежной королевы будет найден. Ведь Герда знала название улицы (вернее, проспекта), где он стоял, и имя владелицы... Снежана Мороз! Костику так хотелось похвалиться своим новым положением, что он вывалил на Герду кучу информации. Да, собственно, кому еще хвалиться, если не лучшему другу... Не своему Санчо Пансе?

Санкт-Петербург произвел на Герду угнетающее впечатление. Возможно, из-за того, что этот город ассоциировал-

ся у нее с разлукой (с любимым мужчиной, любимым краем) или просто ей не повезло с погодой (когда она приехала, было так пасмурно, что свинцовое небо чуть ли не нанизывалось на шпили домов), но факт остается фактом – Северная столица ей сразу не понравилась! И Герда, едва ступив на перрон, ощутила жгучее желание запрыгнуть в вагон и уехать обратно, туда, где воздух напоен медовой сладостью, и его пьешь, точно фруктовый компот, а не безглаголиво вытягиваешь, как протухшую воду...

Дом она искала долго. Почти два дня. Герда с утра выходила на Невский, заходила во все дворы (а это оказалось не так просто, потому что на арках многих были запертые решетки) и спрашивала у первого встречного, не тут ли живет Снежана Мороз. Большинство прохожих, к кому она обращалась, пожимали плечами или мотали головой, но если попадались сердобольные пожилые женщины, то они собирали консилиум и давали коллективный отрицательный ответ. Нужный дом Герда отыскала почти случайно. Она шла по проспекту и увидела белый «Мерседес». Он заворачивал в одну из арок, и Герда сразу поняла, что это машина Снежаны. Не потому, что петербуржцы предпочитали машины менее марких цветов, просто почувствовала. И последовала за «Мерседесом».

– Извините, – обратилась она к мужчине, запирающему за ним ворота, – это машина Снежаны Мороз?

– Да, ее... – Но тут же настороженно спросил: – А вам

зачем?

– Я журналистка, – соврала Герда. – Хотела взять у нее интервью. Можно мне пройти?

– Нет. На ваш счет никаких указаний не было.

И ушел. А Герда осталась. Осталась, чтобы дожидаться своего Кая... Ведь когда-то же он должен выйти за пределы замка?

Ждать пришлось недолго, каких-то пару часов. Все это время Герда провела, сидя на небольшом выступе здания. Ей хотелось в туалет, но она решила терпеть до последнего, а то уйдет и пропустит момент появления Кости.

Не пропустила! Костя вышел из арки в тот момент, когда Герда, разминая затекшие ноги, легонько приседала.

– Гопак танцуем? – хмыкнул он, не сразу ее узнав. Но когда она распрямилась и Костя рассмотрел лицо девушки, танцующей гопак, он удивленно воскликнул: – Ты?

Герда молча кивнула.

– А что ты тут делаешь? – с глупой улыбкой протянул он. Костя всегда ухмылялся, когда сильно удивлялся.

– Да вот... Приехала.

– Ну ты даешь!

– Мы можем где-нибудь поговорить?

– Да, пойдём... – И он, взяв Герду за руку, потащил ее в направлении Дворцовой площади.

Герда думала, что они присядут на лавочку в каком-нибудь сквере или зайдут в бистро, но она ошиблась. Костя

привел ее на мостик, перекинутый через грязную речушку, что впадала в Неву, и сказал:

– Мое любимое место. И народу тут немного ходит...

Костя сильно изменился, это нельзя было не признать. Загар с его физиономии сошел, и теперь стало ясно, что его кожа не так смугла, как всегда казалось. А еще Гердин муж отрастил волосы. Они пока были не длинными, но уже забирались в хвост, и она заметила в Костином ухе серьгу, которой раньше не было.

– Ты проткнул ухо? – зачем-то спросила Герда. Она ведь и сама видела, что проткнул.

– Ага. Нравится? – И, щелкнув по мочке, в которой торчал «гвоздик» с камешком, добавил: – Это брюлик. Снежана подарила. А еще все это! – Костя показал Герде часы, ткнул пальцем в ботинки, оттянул карманы штанов, поднял воротник шикарного кожаного пиджака.

– Придела, в общем, – пробормотала она, а про себя подумала: «Не о том говорим, совсем не о том...»

– Ага, придела. Только мне на тряпки да цацки начхать. Я б в своей джинсuxe ходил, но Снежана говорит, что это позор, а не одежда. А пиджак мой вообще выкинуть хотела, да я не позволил...

– Костя, я за тобой! – оборвала его треп Герда.

– В смысле? – недоуменно воззрился он на жену. Не притворялся – на самом деле не понимал.

– В прямом, Костя. Я хочу, чтобы ты вернулся. Вернее,

решила, что ты сам этого хочешь, поэтому...

Теперь наступил его черед перебивать:

– Я не хочу, Герда, с чего ты взяла? Я как никогда счастлив!

– Не верю... Ты не можешь быть счастлив ТУТ! В этой сени, промозглости... Ты же всегда любил тепло и солнце. Ты сам его излучал. А теперь ты похож на вот этот дом... – Она указала на близстоящий особняк. – Такой же серый, мрачный, бесстрастный.

– Да, климат здесь, конечно, ужасный, но сам город необыкновенный. Я не устаю им любоваться. Ты посмотри, какая красота в каждом здании. А тот дом, где живем мы, просто фантастический. В нем сохранился «родной» паркет, представляешь? Раньше по нему ступали ноги князей и, возможно, даже членов императорской семьи, а теперь мои...

– Я не знала, что ты такой тщеславный.

– Такой, как все, – пожал плечами Костя. – И мне нравится жить в шикарной квартире, а не в доме с частичными удобствами и не в общежитской комнатенке.

– Разве можно вот так?... Из-за этого?

– Не понял.

– Из-за денег? С нелюбимым человеком? Это же отвратительно... Я бы не смогла.

– И я бы не смог.

– Но ты же...

– Я люблю ее, Гердик. – Он смущенно улыбнулся. – Я ду-

мал, ты давно это поняла. Ведь ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было...

И Герда расплакалась! Впервые с тех пор, как Костя от нее ушел. Потому что только теперь до конца поняла, что все кончено!

Костя залепетал что-то из серии «Пожалуйста, перестань, не могу видеть твоих слез...». Но Герда не могла остановиться. Хотела, но...

Тогда Костя прижал ее к себе и начал гладить по голове. Герда ощущала тепло его рук и от этого заплакала еще горше. Огромные, копившиеся месяцами слезы выкатывались из-под зажмуренных век и капали на Костину грудь. Ах, если бы в его сердце засел осколок магического зеркала, Герда давно бы растопила его своими слезами!

Но в сердце Кости жила ЛЮБОВЬ...

А против нее слезы бессильны!

В кармане Костиного пиджака затренькал мобильный. Судя по тому, как напрягся его владелец, Герда сделала вывод – звонит Снежана.

– Позволь, я отвечу, – пробормотал Костя и отстранился. Да так резко, что Герда чуть не упала.

– Делай что хочешь, – ответила она и с такой силой провела по лицу ладонями, что на щеках остались красные полосы. – А я пошла...

– Куда?

– На вокзал.

– Уже уезжаешь? – спросил он таким тоном, что не хотелось отвечать. И Герда не стала. Просто развернулась и пошла прочь.

А Костя... Костя не побежал за ней. И даже не окликнул. Когда Герда обернулась, чтобы посмотреть, провожает ли он ее хотя бы взглядом, оказалось, что Костя отвернулся к реке и разговаривает по телефону.

Глава 6

Жить без Кости было трудно. Временами невыносимо. Но Герда всегда считала себя сильной женщиной и не сомневалась, что справится. Она верила – время лечит, и все ждала момента, когда доктор-время исцелит и ее...

Прошли годы. Герда устроилась на хорошую работу, сняла квартиру. Дела ее шли более чем хорошо. Вот только личной жизни не было никакой. Потому что Костя не забывался. Хотя ничем о себе не напоминал: ни письмами, ни звонками. С того дня, когда они в последний раз увиделись в Петербурге, Костя не давал о себе знать. Только матери иногда звонил, но тетя Вера об этом Герде не говорила. А потом она уехала жить к сыну. Вернее, не к нему конкретно, а в те края, где он обитал. Ей предложили обмен – ее дом на дом в Ленинградской области. Тетя Вера согласилась. Ей хотелось быть ближе к Косте...

Стал ли он ближе не только территориально, но и духовно, Герда так и не узнала. Тетя Вера на чужбине сразу заболела и вскоре умерла. Об этом Герде сообщили телеграммой. Она неделю провалялась в почтовом ящике (адресат все это время находился в другом городе в командировке), а когда Герда ее обнаружила – ехать на похороны было уже поздно.

Герда закончила аспирантуру, стала начальником отдела, сняла хоромы в центре (купить жилье, не залезая в долги, не

получалось, а кредитов она избегала и даже бытовую технику приобретала за наличный расчет). Ее приглашали работать в столицу, предлагали огромную зарплату и невероятный карьерный рост, но Герда отказывалась. Она не хотела уезжать из благодатного края ранних весен, оставаясь верной и этой любви!

Но все изменилось одним осенним утром. Герда проснулась от звонка будильника, хотя обычно вставала за пять минут до сигнала. Вскочила, завертела головой по сторонам, не понимая, где находится. Не понимала она не только потому, что была разбужена, а еще из-за непривычной пасмурности. Герда всегда спала с раздвинутыми шторами, желая, чтобы солнце заливало комнату (спать оно ей не мешало, а вот пробуждаться помогало), но сейчас в помещении было очень мрачно. И это при том, что окно было не затянуто портьерами...

Герда встала с кровати, подошла к окну, выглянула на улицу. Черные, набухшие, как насосавшиеся крови пиявки, тучи заволокли все небо и опускались все ниже и ниже. Казалось, они хотят придавить собою город.

В их краях бывали грозы, и дожди, и просто пасмурные дни, но такого Герда еще не видывала! Разве что в кошмарах...

И тут она вспомнила! Именно сегодня ей снился похожий кошмар. Будто она находится в Петербурге, стоит на том самом мостике и держит за руку Костю. Он улыбается и тянет

ее к себе, чтобы обнять. Но тут мрачное низкое небо начинает резко опускаться. Герда видит, как Костина голова скрывается в темно-сером тумане, а потом ощущает тяжесть на своей макушке, боль в лобной области и ужас в сердце...

После этого она проснулась. Голова болела, сердце кололось. Но не сон был самым неприятным, а какое-то странное «послевкусие»... Герда не могла отделаться от ощущения, что кошмар ей приснился не просто так, а он что-то предвещал. Ведь за все эти годы Костя ни разу не пришел к ней во сне (как будто знал, что разбередит ее душу), а тут не только явился, но и позвал за собой.

Герда заставила себя быстренько уснуть (она могла и это!), надеясь, что Костя придет к ней еще раз, и их воссоединению не помешают даже падающие небеса.

Костя больше не пришел! А вот страшные тучи просочились в реальность. Герда смотрела на них, стоя у окна, и сердце ее сжималось от ужасного предчувствия. Но тут вдруг сумрачное небо расцветилось яркой вспышкой. Это сверкнула молния. А последовавший за ней раскат грома был так силен, что сработали сигнализации припаркованных во дворах машин. Под их разноголосое пиликанье Герда наблюдала за тем, как с разверзшихся небес падает дождь. Как медленно, но верно светлеют тучи. Как воздух становится прозрачнее и легче...

И неожиданно Герде подумалось, что сон ее – не предостережение, а совсем напротив... Знак того, что наступило вре-

мя действий. Пора признаться себе, что доктор-время оказался бессилён, и её боль не ушла и даже не притупилась. Герда просто научилась жить с ней, как, например, диабетик или гипертоник с болезнью. Только те принимают таблетки, соблюдают режим питания, щадят себя, а Герда не щадила... Жила так, будто завтра ей умирать, а сегодня надо успеть сделать максимально много, иначе не будет тебе на том свете покоя.

И Герда работала за троих. А когда все дела были переделаны, отправлялась на велосипеде к морю (на поезде или машине было бы слишком просто) или забиралась с рюкзаком в горы. Отпуска она также проводила нестандартно. Люди её круга летали на модные курорты, в отели пять звёзд, где всё включено, а она отдыхала «дикарем». Герде постоянно нужно было преодолевать трудности, чтобы не размякнуть и не начать себя жалеть.

Когда кончилась странная, если не сказать мистическая (учитывая время года), гроза, Герда отправилась на работу. И едва вошла в офис, включила компьютер и стала проверять почту, где наткнулась на любопытное послание. В нём было сказано, что юридическая фирма «Карелин и К» желает видеть госпожу Андрееву (такова была фамилия Герды, она не меняла её, выйдя замуж) своим сотрудником. Ниже были указаны телефоны, факсы и адрес фирмы. Герда зацепилась взглядом за адрес: «Санкт-Петербург, Невский проспект, дом...» А дом был как раз по соседству с тем, в кото-

ром жила Снежана Мороз.

Герда набрала в поисковике название фирмы. Оказалось, очень солидная. И телефоны совпадали, а то Герда сначала подумала, что это «развод». Приглашать на работу вот так, по электронке? И ладно бы она им свое резюме посылала, а то ведь впервые про «Карелин и К» слышала...

Решительно подвинув к себе аппарат, Герда набрала указанный номер. Ей ответила секретарша директора, а узнав, что звонит госпожа Андреева, соединила ее с шефом.

После недолгого разговора стало ясно, что произошла путаница. Тот, кто отсылал письма, перепутал один знак, и послание ушло по другому адресу. Фирма «Карелин и К» хотела принять на работу госпожу Андрееву. Но не Герду, а Галину, проживающую в пригороде Петербурга. Она присылала им свое резюме, после успешно прошла собеседование. Адрес ее электронной почты был похож: фамилия по-английски, заглавная буква имени, затем цифры. Ассистент или секретарь директора перепутала всего одну...

– А вы, простите, кто по профессии? – спросил директор фирмы после того, как Герда попрощалась, но еще не положила трубку.

– Я? Юрист.

– Надо же! Та Андреева тоже юрист... Хороший, между прочим. А вы?

– А я лучший, – не поскромничала Герда.

– Правда? Интересно. Нам как раз нужен такой.

– У меня есть работа, и я не хочу ее менять.

– Да? Тогда зачем позвонили?

Крыть было нечем. И Герда заявила:

– Если назначите мне зарплату в полтора раза больше той, которую я сейчас получаю, то я согласна приступить к работе уже в понедельник. Резюме свое сейчас вышлю. А собеседованием мы можем считать наш теперешний разговор.

Это было невероятной наглостью, в чем Герда отдавала себе отчет. Но вела себя так нахраписто, поскольку терять ей было нечего. Откажут, и ладно. Хотя почему-то ей казалось, что не откажут. И точно.

– А вы мне нравитесь, – засмеялся директор. – К тому же я в некотором роде фаталист, и в ошибке, допущенной моим ассистентом, вижу перст судьбы. Так что, госпожа Андреева, жду вашего резюме, и если оно произведет на меня впечатление (в чем я не сомневаюсь), то я с радостью приму вас на работу.

И ее приняли!

Герда за день уволилась, собрала вещи, купила билет и поехала в Петербург, навстречу не только новой жизни, но и старым надеждам. Она в некотором роде тоже была фаталисткой!

Глава 7

Петербург несколько не изменился. Да, он еще больше европеизировался, особенно в центре. Открылось множество кафе, магазинов, уютных отельчиков. Многие дома были отреставрированы или находились в процессе этого, а обшарпанность остальных зданий скрылась за яркими рекламными плакатами. Город определенно стал чище и, возможно, красивее, но Герда не замечала его красот. Она видела Петербург прежним: мрачным, холодным, чужим. А свинцовое небо давило ей на макушку, вызывая вечное ощущение дискомфорта...

«Куда я приперлась? – ругала себя Герда. – Я не смогу тут жить. Я зачахну в этом холодном влажном климате, как какой-нибудь южный цветок...»

Но не зачахла! Герда купила себе маленькую юркую машинку и передвигалась по городу только на ней. Расстояния, которые другие преодолевали пешком, она проезжала. На прогулки не ходила. И купила себе фиолетовые очки. Через их стекла мир казался не таким серым!

Директор фирмы, он же ее основатель, Карелин Лев Петрович, оказался очень приятным господином лет сорока пяти. Он был блестяще образован, воспитан, остроумен. С ним легко находили общий язык как его работники, так и клиенты. У Льва Петровича был только один недостаток – его же-

на Галина. Подчиненные Карелина иначе как Гарпия ее не называли. Ей было столько же, сколько мужу, но она яростно боролась с возрастом посредством пластической хирургии, из-за чего выглядела старше своих лет. Так утянуть лицо могла только шестидесятилетняя женщина. Гарпия дико ревновала мужа и не давала жить не только Льву Петровичу, но и всем его сотрудницам, чей возраст не зашкаливал за сороковник, боясь, что его уведут. Герда, естественно, попала в группу риска, и стычки с Гарпией стали, как и совещания у шефа, обязательной процедурой. Раз в неделю Галина навещалась в фирму и устраивала разнос тем сотрудницам, которые в тот момент находились рядом с ее супругом. Ей мерещилось, что они перестали заниматься сексом за несколько секунд до ее появления.

Сначала Герду злило поведение Галины, но со временем она стала относиться к налетам Гарпии с иронией. Точно так же, как сам Карелин. У него, естественно, была любовница, но не из числа подчиненных. Ею являлась сестра Галины, причем старшая. Лев встречался с ней последние десять лет, и его очень забавлял тот факт, что супруга роет совсем не там, где следовало бы.

В общем, Герда неплохо устроилась в своей новой жизни, а вот старых надежд лишилась. Оказалось, что в соседнем доме Снежана Мороз уже не проживает. Как сказал Герде привратник, съехала три года назад. Квартиру продала, а где обитает сейчас, он не имеет понятия. Герда знала, что Мо-

роз – владелица крупной косметической компании, поэтому можно было сколько угодно гадать, где именно она поселилась. Вариантов может быть множество: от близкой Финляндии до далеких Гавайских островов. Таким, как Снежана, по средствам купить дом в любой части земного шара!

Герда попыталась отыскать информацию о ней в Интернете, но выяснить почти ничего не удалось. То, что первые шаги в бизнесе ей помогал делать муж, известный бизнесмен, с которым она с большим шумом развелась, Герда знала и раньше. В свое время о Снежане много писали в скандальной прессе, но в последние годы ее имя совсем сошло с газетных полос. Мороз не светилась на мероприятиях, не закатывала скандалов в ресторанах, не давала интервью, в которых бы со вкусом обсуждала подробности своей личной жизни. Из этого следовало, что она в корне изменила свой образ жизни. Герда решила, что тому виной Костя. Снежная королева целиком посвятила себя своему Каю, и все остальное стало неважным...

«Сидят сейчас вдвоем в ее ледяном замке, – подумала она с тоской. – И складывают из кусочков льда слово «Вечность»...»

В скором времени оказалось, что в одном Герда была права – Снежана с Костей жили в замке (Мороз построила его на месте старых развалин) в одном из пригородов Петербурга. А узнала она об этом вот как.

– Поедешь со мной сегодня вечером за город? – спросил

у Герды Лев Петрович, вызвав ее к себе в кабинет.

– Нет, спасибо, я еще пожить хочу, – хмыкнула она в ответ, представив, что устроит Гарпия, узнав об их совместной поездке.

– Это рабочий визит. И ты мне нужна в качестве помощника.

– Не совсем понимаю...

– У меня есть клиентка по фамилии Мороз, – начал Лев Петрович, и Герда оборвала его, не сдержав эмоций:

– Не может быть!

– Почему не может? – удивился он. – Она когда-то жила в соседнем доме, и ей было удобно иметь со мной дело. Так вот Снежана Мороз несколько лет назад с моей помощью составила завещание. А теперь решила его изменить. За этим она приглашает меня к себе домой. Живет она сейчас в поселке под Питером. По рассказам очевидцев, у нее там настоящий замок. И несколько гектаров земли. Кроме того, в собственности у госпожи Мороз еще куча всего, и на счетах денежки имеются, в общем, сама понимаешь, завещать есть что...

– Понимаю.

– В первом документе она львиную долю имущества, а главное – свой концерн, отписывает сыну, а остальное делит между родственниками.

– У нее есть сын? И родственники? – несказанно удивилась Герда. Разве у Снежных королей бывает еще кто-то, кроме свиты и фаворитов?

– А что тебя удивляет? Иметь родственников – нормально. У большинства пятидесятилетних женщин имеются не только дети, но и внуки.

– Снежане пятьдесят семь? – еще больше поразились Герда. Выходило, что она годится Косте не просто в матери, а почти в бабушки, ведь ему и тридцати не исполнилось.

– Да. Но это секрет. Мороз всегда тщательно скрывала свой возраст. Когда она со скандалом разводилась, считалось, что ей нет и тридцати, а было уже за сорок. Поэтому она сына не показывала прессе, чтобы не выдать своего возраста. «Мальчику» сейчас двадцать семь лет.

– И ему она оставляет свои миллионы?

– Оставляла, – поправил Лев. – А вот теперь, видимо, решила изменить завещание. Но сама приехать в контору не может – болеет. Причем, по ее словам, серьезно. Утром прилетела из Швейцарии, где лечилась.

– Что же с ней такое?

– Да, скорее всего, очередную подтяжку сделала! Но я верю своим клиентам на слово. Вернее, делаю вид. Короче, Снежана просит меня явиться к ней в дом в шесть вечера. Машину она пришлет. – Он вопросительно глянул на Герду: – Так ты согласна поехать? Я понимаю, сегодня пятница, и у тебя могут быть свои планы...

– Я поеду.

– Вот и отлично. Тогда иди к себе, работай и жди моего звонка.

Герда удалилась в свой кабинет, но работать не смогла. Все ходила из угла в угол и ждала, ждала...

Глава 8

Замок Снежной королевы был огромен, красив и так же холоден, как поблескивающий на голых ветках окружающих его деревьев иней. Пока лимузин медленно ехал по аллее к дому, Герда смотрела в окно и поражалась. В Петербурге сейчас моросит дождь, и асфальт блестит от влаги, а тут кругом снег и лед. Точно они на самом деле попали в чертоги Снежной королевы!

Машина подкатила к крыльцу, Карелин с помощницей вышли, поднялись по ступенькам. Дверь перед ними тут же распахнулась. Ее открыл седоусый швейцар с красивым морщинистым лицом. Он впустил Карелина и Герду в дом и провел в кабинет хозяйки. Ни единого слова старик при этом не проронил. То ли не хотел нарушать стоящую в доме тишину, то ли просто был немым.

Карелин с Гердой вошли в огромный, сравнимый размерами с каким-нибудь школьным стадионом кабинет. Хозяйка сидела за столом и смотрела в монитор ноутбука, но, услышав, как отворилась дверь, подняла глаза.

Снежана совсем не изменилась с тех пор, как Герда ее единственный раз видела. То есть по-прежнему выглядела эффектной сорокалетней женщиной. Возможно, на ее лице стало чуть больше морщинок (ведь Герда тогда не рассматривала его вблизи), но общее впечатление было потрясающим.

щим. Снежане нельзя было дать ее пятьдесят семь. Возраст не выдавала даже шея. Кожа на ней была гладкой, упругой. Хотя тут, быть может, не обошлось без хирургического вмешательства, не зря же Лев Петрович намекал на то, что Мороз не чурается пластических хирургов.

– Добрый вечер, – поздоровалась хозяйка с Карелиным, а по его помощнице скользнула равнодушным взглядом. Не узнала! – Как добрались?

– Прекрасно. В вашем лимузине можно жить.

– Нет, друг мой, жить нельзя, там нет туалета, – улыбнулась Мороз. – Мне предлагали и с клозетом, но я считаю, что машина – это всего лишь средство передвижения.

Пока Снежана болтала с Карелиным, Герда ее рассматривала. Ей было интересно, как она себя ведет, во что одета. В тот единственный раз, когда Герда ее видела, ничего этого она не разглядела. А вот теперь отмечала, что держит себя госпожа Мороз с достоинством, граничащим с высокомерием. И одевается так, что не придраться. На Снежане было голубое дизайнерское платье, пиджак из белой лайковой кожи, изящные туфли на тонком каблуке. Из украшений – бриллиантовые серьги и браслет из платины, обхватывающий ее тонкое запястье. Настоящая Снежная королева нашего времени! Даже прическа соответствующая: длинные волосы уложены таким образом, что кажется, будто на голове корона...

Мороз заметила пристальное внимание гостьи, поверну-

ла к Герде свою красивую белокурую голову и поинтересовалась:

– А вы кто будете, девушка?

– Это Герда, – представил свою сотрудницу Лев Петрович. – Она работает у меня в фирме. Очень талантливый юрист. Будет помогать мне сегодня.

– Герда? – Изогнутые брови Мороз взметнулись вверх. – Какое редкое имя... И в чью же честь вас, милочка, так называли?

Герда решила не отвечать, просто пожала плечами. Снежану, похоже, это немного задело.

– Была рада с вами, Герда, познакомиться, – проговорила она холодно, – но вынуждена попросить вас удалиться. Мы с Львом Петровичем прекрасно справимся и без вас.

Герда вопросительно глянула на шефа. Тот кивнул.

– Я подожду за дверью, – бросила ему Герда, разворачиваясь.

– Зачем же за дверью? – хмыкнула Снежана ей в спину. – Можете спуститься в гостиную. Там наверняка собралась компания, и вы найдете с кем выпить и поговорить.

Герда не имела желания беседовать с незнакомыми людьми, как и выпивать с ними, но в гостиную спустилась, надеясь увидеть Костю. Однако ее Кая там не было! Зато на огромном диване восседали двое: красивый мужчина и невзрачная женщина. Первому было лет пятьдесят, второй – в районе тридцати. Оба были прекрасно одеты, но дорогие

вещи смотрелись на них по-разному. Если на мужчине итальянский костюм сидел как влитой и в нем он выглядел так, что хоть сейчас снимай его для рекламы сигар или коллекционного виски, то на женщине джинсы, свитер и меховая жилетка висели мешком. Возможно, она просто очень резко похудела и не успела сменить гардероб, но одежда явно ее не красила. Как и платиновый цвет волос. Было сразу видно, что девушка нещадно высветляет свои темные пряди, хотя ей, безусловно, лучше было бы со своими волосами, ведь кожа ее имела смугловатый оттенок, а брови были чересчур густы и черны для блондинки.

– Как ты думаешь, зачем она нас позвала? – донесся до Герды нервный голос блондинки.

– Соскучилась, наверное, – лениво ответил импозантный господин, налив себе коньяку. – Ведь мы давно не виделись...

– Папа, не говори ерунды! – раздраженно бросила девушка. – Сам знаешь, твоей сестре чужды все человеческие слабости.

– Почему же все? Слабость к молодым мужчинам явно прослеживается... – И он указал своим наманикюренным перстом на парня, появившегося в гостиной.

Ему было не больше двадцати. Красивый, как древнегреческий бог: стройный, мускулистый, с волнистыми русыми волосами, огромными зелеными глазами и точеным носом, именно с таких античные скульпторы ваяли своих Адонисов

и Аполлонов.

– Привет, – поздоровался Адонис с братом и племянницей хозяйки (очевидно, это был именно брат Снежаны, а девушка – его дочь). – Как дела?

– Мальчик, ты за сегодня задал нам этот вопрос уже раз пять, – хмыкнул мужчина. – Ты еще какие-нибудь слова знаешь, кроме «привет» и «как дела»?

– Ага... Еще слово «старый козел» знаю.

– Старый козел – это два слова, – благодушно поправил тот паренька.

Парень, насупив красиво очерченные брови, собрался нахамить невозмутимому обидчику, но тут заметил стоящую на ступеньках Герду.

– Привет, – поздоровался он с ней и зачем-то добавил: – Как дела?

– Здравствуйте, – откликнулась она. – Дела хороши! – И стала спускаться.

– Это у нас кто? – заинтересовался брат Снежаны, скользя по ногам Герды игривым взглядом бывшего бабника. – Откуда в этом замке Снежной королевы взялся милый южный цветок?

– Что я с юга, вы поняли по моему кошмарному говору?

– У вас чудесный, легкий акцент. Но он, бесспорно, вас выдает.

– Я только тут, в Петербурге, узнала, что говорю с акцентом. Родом я из средней полосы России и наивно полагала,

что разговариваю не так, как все южане. Но тут я поняла, как ошибалась, – улыбнулась Герда.

А господин между тем встал, сделал шаг к ней и, чуть поклонившись, представился:

– Арсений Морозов. Брат хозяйки дома.

– Папа, а где же твоя вечная приставка к имени? – подала язвительную реплику его дочь. – Ты забыл про «князь».

– Вы князь? – спросила у Арсения Герда.

– Да. А моя сестра, соответственно, княжна. Но мы не любим козырять своим титулом, только если этого требуют обстоятельства.

– Да уж конечно! – фыркнула дочурка.

– Не обращайтесь внимания на Дарью. Она обожает со мной спорить. Так, ей кажется, она привлекает к себе отцовское внимание...

– Папа, заткнись, пожалуйста.

Арсений с показным смирением прикрыл рот рукой. А его дочь обратилась к Герде с вопросом:

– Вы кто?

– Я – сотрудница адвокатской конторы «Карелин и К».

– О, Левушка уже тут? – встрепнулся Арсений.

– Да, он у вашей сестры.

Отец с дочкой заговорщицки переглянулись.

– А вы не представились, – подал голос Аполлон-Адонис. – Как вас зовут? Меня – Тема.

– Меня – Герда.

Арсений хмыкнул:

– Хорошая шутка.

– Это не шутка. Меня действительно так зовут.

– Надо же! – Морозов подошел к Герде и принялся бесцеремонно ее рассматривать. – А вам идет это имя. Но я, право, не предполагал, что этим именем могут звать не сказочного персонажа, а реального человека.

– И какое совпадение, а? – подключилась Даша. – Тетушка мнит себя Снежной королевой, и тут появляется Герда... Не для того ли, чтобы отнять у Снежаны ее Кая и разрушить ее замок?

– Давно пора сделать и то, и другое, – раздалось сверху.

Все, кто находился в гостиной, подняли глаза вверх. Герда не была исключением.

На лестнице, держась рукой за перила, стоял молодой человек. И Герда сразу поняла, что это сын Снежаны: те же прямые платиновые волосы, те же небесно-голубые глаза, те же точеные скулы и красиво очерченный тонкогубый рот. Единственное, что отличало парня от матери, это подбородок. У Снежаны он был чуть тяжеловат для ее нежного лица, а у ее сына, напротив, – слишком мягкий.

– О, Саша! – обрадовалась двоюродному брату Дарья. Впервые ее невзрачное и нахмуренное личико озарилось улыбкой. – Наконец-то ты проснулся, без тебя было скучно.

– Я бы еще поспал пару часиков, но маман разбудила, – ответил Александр. – Велела подниматься, умываться и то-

пать сюда... – Он зашагал вниз по лестнице, продолжая говорить: – Как будто не знает: мне, чтобы я чувствовал себя человеком, нужен полноценный десятичасовой сон!

– Ты все дни только и делаешь, что дрыхнешь, – бросил ему Арсений.

– Потому что жизнь моя протекает в ночное время. Я же на работу хожу к одиннадцати. И заканчиваю в пять.

– Не знал, что тусовки в кабаках считаются работой, – усмехнулся Тема.

– Не знал, что фаллосы умеют говорить, – не остался в долгу Александр. Затем обратился к дяде: – Так зачем нас всех собрали?

– У меня есть одна мыслишка, но я пока не буду ее озвучивать.

– Тем более что собрались еще не все, – подхватила Даша.

– Ах да... Нет еще американской тетушки.

– Когда я заглядывала к Хэлен, она наносила на лицо пятый слой тональника.

– Значит, осталось всего три, и она скоро придет.

Кузены захихикали.

– Сеня! Сеня, где ты? – донесся со второго этажа визгливый женский голос.

– А вот и Хэлен, – пробурчал Арсений, затем громко: – Я тут, Лена!

– Сколько раз тебе говорила – не называй меня Леной...

– А ты меня Сеней.

– Я тебя нянчила и имею право называть так, как хочу! А теперь помоги мне спуститься...

Арсений, выругавшись сквозь зубы, поспешил на помощь своей няньке. Герда с большим интересом проследила за ним и стала ждать появления Хэлен. Ей думалось, что сейчас на лестнице появится моложавая дама, но оказалось, заграничная тетушка уже очень стара. Герда дала ей лет восемьдесят с гаком. Выглядела Хэлен престранно. Сухая, морщинистая, она была разряжена в молодежные тряпки: брючки-дудочки, тунику с портретом Джонни Деппа, меховую накидку из крашеного в розовый цвет песка. Ее светлые волосы были пострижены почти под корень. А на лице лежал такой толстый слой тонального крема, что казалось: одно слишком резкое движение – и он слетит, как театральная маска.

– Кто это? – спросила Хэлен, спустившись. Естественно, она имела в виду Герду.

– Ассистентка Карелина, – ответил Арсений. – А сам он у Александры в кабинете.

– Он у Снежаны, – поправила его Герда.

– Мою сестру на самом деле зовут Александрой. Александрой Морозовой. Она и сына назвала в память... Себя... – объяснил Арсений.

– Сеня, ты слишком много болтаешь! – осадил его Хэлен. – Посторонним совсем не обязательно знать эти подробности. Тем более что она сына назвала задолго до того, как стала Снежаной.

Дойдя до кресла, она опустилась в него и потребовала:

– Водки мне принесите. Только чистой, безо льда и прочей гадости.

Арсений метнулся к бару и налил в высокий стакан водки. Граммов сто пятьдесят, не меньше!

– Ты что, Сеня, краев не видишь? – крикнула Хэлен.

Он добавил водки доверху и поднес ей. Она приняла стакан, проворчав:

– А кто-то обещал вечеринку.

– И то верно, – подключилась Дарья. – Снежана созывала нас сегодня под предлогом какого-то семейного мероприятия.

– Я думала, у кого-то юбилей, – подхватила Хэлен.

– Тетушка, – ласково промурлыкал Саша, – в нашей семье у всех дни рождения осенью, а сейчас зима... Но тебе, конечно, простительно об этом не помнить... В твоём возрасте склероз – обычное явление.

– Ещё один намек на мой возраст, – добродушным тоном ответила Хэлен, – и ты, щенок, получишь вот этим стаканом... – Она залпом выпила водку и даже не поморщилась. – Вот этим стаканом по морде. Можешь не сомневаться, я попаду, не зря же я являюсь чемпионкой города по боулингу.

Александр приготовился выдать ещё одну язвительную реплику, но тут вмешался Арсений:

– Перестаньте, родственники! Перед гостьей стыдно за вас...

Хэлен тут же протянула ему опустевший стакан:

– Наполни, Сеня. И вели, чтобы принесли лимончик. А то если я буду пить без закуски, то быстро окосею.

– Может, тебе что-нибудь более основательное поесть? – спросил Арсений, налив Хэлен водки. На этот раз стакан он наполнил лишь наполовину, и она не возражала. – Лимончик в качестве закуски я бы не рассматривал.

– Ты же знаешь, что я после шести не ем!

– Ага, только пьешь, – хихикнула Дарья.

– Сеня, почему ты не научил дочь правилам хорошего тона? Хотя бы одному, что перебивать старших – нехорошо.

Арсений с укоризной посмотрел на Дарью, но та только усмехнулась.

Хэлен нетерпеливо побарабанила пальцами по подлокотнику кресла, как бы говоря: я долго буду ждать свой лимон? И Арсений заспешил к телефону, чтобы позвонить на кухню, но тут в дверях показалась приятного вида пожилая горничная. Она толкала перед собой тележку, уставленную тарелками.

– Добрый вечер, – поприветствовала гостей дома прислуга. – Прошу извинить, если помешали...

Употребляя множественное число, она имела в виду не только себя, но и свою коллегу – вслед за ней в гостиную втокнула тележку женщина помоложе.

– Куда это все? – спросил Арсений, окинув взглядом содержимое тележек.

– Сюда. – Пожилая горничная указала на длинный стол, устланный белоснежной скатертью – в замке Снежной королевы этот цвет преобладал. – Хозяйка распорядилась приготовить все для фуршета.

– Ага, значит, вечеринка все же будет! – обрадовалась Хэлен.

– А вы, тетя, оптимистка, – проговорил Александр. – Мне думается, намечается не вечеринка, а семейный совет. Приборов-то немного!

– На какое количество человек велели рассчитывать? – спросил у горничной Арсений.

– На девять.

– Выходит, будет кто-то еще, кроме членов семьи.

– Подозреваю, что будет один... просто член, – не удержался от сомнительной остроты Александр, демонстративно скосив глаза на Тему. – А еще, как мне думается, маман намерена пригласить к столу Карелина и... Как вас, говорите, зовут?

Герда не успела назвать свое имя (Арсений представил ее просто как ассистентку Карелина), тут раздался голос Дарьи:

– Все равно не сходится! Нас получается восемь.

– Значит, ждем еще одного гостя! – проговорила Хэлен, подманив горничную с тележкой и схватив тарелку с оливками – лимона там не нашлось.

– И я, кажется, догадываюсь, кого именно... – выдавил Арсений. В его голосе слышалось недовольство.

Герда тоже догадалась. Даже не так! Она была уверена, потому что уже чувствовала приближение человека, ради которого приехала в этот город и в этот замок...

И тут за ее спиной послышались шаги! Это по коридору в сторону гостиной двигался он, ее Кай...

Глава 9

– А вот и он! – каркнула Хэлен. Из-за водки голос ее из визгливого стал хриплым. – Я почему-то так и знала, что ждем мы именно его.

Судя по лицам остальных, это знала не только Хэлен. Невозмутимое выражение сохранил на своей физиономии лишь Тема, а вот остальные...

Остальные нахмурились. Они не любили Кая! В отличие от Герды, которая вдруг ощутила такой прилив чувств, что хотелось развернуться, прыгнуть на Костю, обхватить ногами, обвить руками и зацеловать...

Но такого она себе даже в те далекие времена, когда они жили вместе, не позволяла. Знала, Костя не любит всех этих «телячьих нежностей».

И Герда шагнула за колонну и украдкой обернулась...

Костя сильно изменился! Можно сказать, кардинально!

Теперь у него была короткая стрижка, и сразу было ясно – за волосами этого мужчины следит высокопрофессиональный парикмахер. Серьгу из уха Костя вынул. И привычному спортивному стилю изменил. Отличный костюм сидел на его пополневшем, но накачанном теле безупречно. Герда никогда бы не подумала, что Костя когда-нибудь станет мясистым, мускулистым мужчиной. И научится носить элегантную одежду. «Какой он красивый! – не смогла сдержать эмо-

ций Герда. – И взрослый. Настоящий мужчина. Даже уши, кажется, уже торчат не так, как когда-то...»

– Привет всем! – поздоровался Костя. – А где Снежана?

– В кабинете, – сдержанно ответил ему Арсений.

– Тогда я пройду туда.

– Она занята.

– Какого черта? – вскипел Костя. – Я тоже, между прочим, был занят, когда она вызвонила меня! Что ей вообще от меня надо? Сама же перестала со мной полгода назад разговаривать...

– Имей терпение, Константин, – наставительно сказала Хэлен. – И ты все узнаешь.

– Да, – поддержал ее Арсений. – Присядь, выпей, скоро Снежана спустится и объяснит, зачем всех нас собрала...

– А... То есть вы все тут тоже по ее воле собрались? – Он плюхнулся на диван и поежился. – Что ж у нее всегда холодно-то так? На отоплении, что ли, экономит?

– При чем тут экономия? – отозвалась Хэлен. – При низких температурах люди медленнее старятся.

– Какие глупости! – простонала Даша, закатив глаза.

– Никакие не глупости... Это научный факт! В лабораториях Снежаниной фирмы делали исследования... Костя, подтверди!

– Подтверждаю, – буркнул он, лишь бы от него отстали.

Пока он болтал с родственниками Мороз, Герда стояла за колонной, а тут вышла. Костя не сразу ее заметил. Он был

занят тем, что рассматривал на свет поданный Арсением коньяк, но когда стакан переключался ко рту, взгляд его наткнулся на Герду. Пару секунд глаза его ничего не выражали, затем выразили недоверие и только потом засветились радостью...

— Гердик! — воскликнул Костя, вскакивая. — Гердик, неужто ты?

И подлетел, чтобы обнять ее.

Объятия были недолгими и совсем не крепкими, но все равно очень походили на «телячьи нежности».

— Вы знакомы? — услышала Герда удивленный голос Дарьи.

— Представьте себе...

— А я не удивляюсь, — проговорил ее отец. — У них одинаковый говорок, так что делаю вывод, что Константин с Гердой — земляки.

— И земляки тоже, — улыбнулся Костя и заговорщицки подмигнул Герде.

Наверное, он хотел спросить у нее: «Какими судьбами здесь?» или «Ну, как поживаешь?», и она имела желание задать ему массу вопросов, но тут раздался громкий, хорошо поставленный голос, заставивший всех, и Герду в том числе, вздрогнуть от неожиданности и повернуть голову.

— Как я вижу, все в сборе! — констатировала Снежана, окидывая гостиную цепким взглядом. — Отлично... — И начала спускаться. Карелин шел позади нее. В его руках была рабочая папка.

– И зачем ты нас всех собрала? – спросил у матери Саша. – Или, если выразиться менее цивилизованно, загнала всех пауков в одну банку?

– Я хочу кое-что вам сообщить, – ответила Мороз. – Всем вам.

– Ой, не нравится мне начало, – простонал он.

Мать не обратила на реплику сына никакого внимания. Снежана, пока спускалась, не отрываясь смотрела на Костю.

– Думала, ты не приедешь, – заметила она, сойдя с последней ступени.

– Ты, в конце концов, мой босс, – пожал плечами Костя. – Только я не совсем понимаю, зачем я тебе понадобился здесь... По любым рабочим вопросам мы можем побеседовать в офисе.

– То по рабочим, – туманно проговорила Снежана, затем обратилась к брату: – Арсений, ты не мог бы взять на себя обязанности бармена?

– Почему я? Вон пусть твой мальчик этим займется! – кивок в направлении Темы.

– Он, к сожалению, не умеет столь искусно, как ты, смешивать коктейли.

– Ну, хорошо, – пошел на попятную Арсений. – Кому что смешать? Тебе, сестра, как всегда, сухой martini?

– Мне – да. – Тут она вспомнила о Карелине. – Кстати, Лев Петрович и его ассистентка останутся с нами.

– Снежана, нам не хотелось бы мешать, – попытался про-

тестовать Гердин шеф. – Да и время уже позднее...

– Бросьте, Карелин, какое позднее? Еще даже «Спокойной ночи, малыши», не начались! В общем, вы остаетесь, я на этом настаиваю, – не терпящим возражения тоном проговорила Снежана.

– Левушка, что тебе налить? – поинтересовался у Карелина Арсений.

– Мне коньяку.

– А вам, Герда?

– Мне его же, – ответила она, хотя обычно пила тот же martini, что и Мороз. Но в помещении было так прохладно, что хотелось согреться хотя бы спиртным.

– У остальных не спрашиваю. Их пристрастия мне известны.

– И мои? – приподнял брови Тема.

– О твоих могу догадаться... И за своим пивом придется тебе, дружок, сходить в кухню.

– Смешайте мне в равных долях бейлис, самбуку, мидори и гранатовый сироп.

Арсений удивленно приподнял бровь, но ничего не сказал.

Снежана тем временем грациозно опустилась на диван и с большим интересом принялась рассматривать собравшихся. Как будто видела их впервые.

Но Герду больше волновал Костя, и все ее внимание было приковано к нему. Она следила за его поведением и от-

мечала, что в отличие от остальных он не нервничает. Другие в присутствии Снежаны, вернее – под ее взглядом, тушевались, а Костя, казалось, вообще не замечает ни того, ни другого. Сидит себе, коньяк попивает, да что-то в телефоне ищет. Наверное, именно поэтому Мороз останавливала свой взгляд на Косте чаще, чем на остальных.

– Снежана Алексеевна, все готово, – подала голос пожилая горничная, поставив на стол последнюю тарелку. – Нам остаться или уйти?

– Идите. Когда понадобится, я позову.

Женщины в белых крахмальных фартуках удалились.

– Арсений, у тебя все готово? – спросила Снежана.

– Да, налетайте!

Когда стаканы были разобраны, Мороз подняла свой и провозгласила короткий тост:

– За вас! – После чего она опустошила свой бокал, отставила его и попросила у Темы: – Мальчик, принеси мне бутерброд с икрой.

Мальчик быстро исполнил приказ и хотел сесть рядом, но она не позволила:

– Иди туда, где сидел, я хочу видеть вас всех.

Тема нисколько не обиделся, очевидно, привык к капризам «хозяйки». Когда он сел на прежнее место, Мороз проговорила:

– Спешу сообщить вам, что мне осталось недолго.

– В каком смысле? – переспросил ее сын. – Имеешь в ви-

ду, что снимешь с себя обязанности президента компании?

– Я имею в виду, что скоро умру, – весело поправила его мать. – Точно не знаю, через какое время, но максимум – через пару месяцев.

– Это ты так шутишь? – скривила свой морщинистый рот Хэлен.

– Нет, тетя, я серьезно. У меня лейкемия. В Швейцарии, откуда я сегодня вернулась, я проходила курс лечения, но... Мне нельзя помочь. Можно только чуть отсрочить конец. И я, надеюсь, это сделала.

– Я не верю, – прошептал Саша. Его и без того бледное лицо стало мертвецки серым. – В тебе столько жизни, столько красоты...

– А диагноз точно правильный? – спросила Дарья, на лице которой застыло выражение недоверия. Казалось, она не могла поверить очевидному. – А то ведь всякое бывает...

– Диагноз правильный!

– Когда ты узнала? – спросил Костя, не поднимая глаз.

Герда знала, почему он так упрямо не смотрит на Снежану. Из-за страха перед смертью! Он с детства очень ее боялся. С тех пор, как умер Дик. Пес болел, и Костя его пытался выходить. Однако его четвероногий друг, несмотря на заботу, угасал. Мальчишка видел обреченность в глазах Дика, и сердце его разрывалось на части...

После гибели пса у Кости развилась странная боязнь смерти. Если он узнавал, что кто-то из знакомых серьезно

болен, то обходил его стороной. Взять, к примеру, их соседа, одноногого дядю Васю. Костя с ним отлично ладил, но когда у старика начала гнить вторая нога, он прятался в доме, едва тот показывался на крыльце. От матери он слышал – дядя Вася не жалец, и это сыграло решающую роль. Однако как-то раз он все же столкнулся с ним на улице. Старик ехал в коляске, Костя бежал навстречу. И едва мальчик столкнулся взглядом с дядей Васей, как из его глаз брызнули слезы (хотя он не был плаксой), и он, утирая их грязноватыми кулаками, убежал в дом. Когда Герда спросила, что с ним, он ответил – я увидел смерть...

Утром дядя Вася умер!

– О своей болезни я узнала три месяца назад, – проговорила Снежана. – И сразу начала лечиться, но... – Она ненадолго замолчала. – Я собрала вас не столько затем, чтобы сообщить о своей скорой кончине, сколько объявить, кто после нее унаследует все мои капиталы...

– Да это вроде бы не секрет, – заметила Хэлен, залпом допивая водку. – Ты оставишь почти все Саше. И по мелочи нам.

– Я изменила завещание!

Арсений с дочерью вновь обменялись многозначительными взглядами. Похоже, для них это не было секретом. А вот для Саши...

Сын Снежаны ушам своим не поверил!

– И кто же стал твоим наследником? – спросила амери-

канская тетушка, алчно сверкнув глазами.

– А ты как думаешь, Хэлен?

– Я бы поставила на Сеню.

– Логично. Но неверно.

– Неужто ты меня решила осчастливить?

– Хэлен, побойся бога! Тебе умирать вслед за мной! – Снежана рассмеялась. – Зачем женщине твоих лет столько денег?

– Если следовать твоей логике, то всех нужнее деньги твоему малолетнему любовнику... Ему, что ли, все завещала?

Лицо Темы осталось таким же непроницаемым, как всегда, а вот ступня начала дергаться.

– Ценю твой юмор, – сдержанно улыбнулась Снежана. – Но нет, не Тему я сделала наследником.

– Тогда кого?... Только не говори, что Дашку? Это при- блудную девку?

– Не смей так о моей дочери! – взвился Арсений.

– Да молчи уж... Нашелся благородный рыцарь! Приветил какую-то шаромыжницу...

– Хэлен, не надо, – остановила старуху Снежана. – Наслед- ница все равно не она.

– Тогда кто? Кто остался?

И старуха начала шарить колючим взглядом по лицам присутствующих. Естественно, Карелина и Герду она в рас- чет не брала, поэтому в конечном итоге остановилась на...

– Ему? – прошипела Хэлен. – Этому неблагодарному вы-

скочке? – И, оторвав взгляд от Кости, уставилась на Мороз: – Ты шутишь, надеюсь?

– Мой наследник – Константин! – торжественно провозгласила Снежана.

Некоторое время в помещении стояла тишина, но секунд через пять ее разорвал дикий смех Александра.

– Я понял! – выпалил он, на пару секунд прервав свой гогот. – Это ты, маман, так меня в очередной раз припугнуть решила, да?

– О чем ты, сына?

– Тебе же всегда не нравилось мое поведение, а в последнее время особенно...

– Не отрицаю.

– Я обещал исправиться!

– Обещал, но не сдержал своего слова.

– Мама, это не так быстро делается!

– Сын, в твоём распоряжении было много месяцев. Я давала тебе сотню шансов, но ты не воспользовался ни единственным... Поэтому не обижайся! – Снежана смогла наконец поймать взгляд Кости. – Ты – мой наследник!

– Что ж... Спасибо, – ответил Костя. Вот так, и никак иначе. И без особых эмоций. Будто ему презентовали какую-нибудь мелочь типа ручки или бутылки коньяка.

– Не за что! В конце концов, именно благодаря тебе мне есть что завещать.

– А ты ничего не путаешь? – вскричал Александр. – Ты

стала богатой благодаря моему отцу!

– И благодаря ему чуть не стала нищей. Он пытался отнять у меня все...

Карелин, выпивший свой коньяк, подошел к Герде и прошептал на ухо:

– Не пойму, зачем мы ей понадобились? На кой черт она упросила меня остаться?

– Возможно, ей нужны зрители...

И замолчала, потому что Костя вдруг встал и сказал:

– Снежана, я хотел бы поговорить с тобой наедине. Выйдем на пару слов?

Мороз милостиво кивнула, после чего поднялась, и они с Костей покинули гостиную.

– Нет, и как вам это нравится? – вскричал Александр, едва парочка скрылась из виду. – Сделать наследником постороннего? Когда у тебя есть сын, брат, племянница, тетка, наконец...

– Она вообще в своем уме? – подпела ему Дарья. – Хорошо еще, что ее кот умер в прошлом году, а то она бы ему, чего доброго, все завещала!

«И ни одного слова сожаления по поводу скорой кончины Снежаны, – подумалось Герде. – Как будто и не слышали...» И только она хотела поделиться этой мыслью с шефом, как к нему подскочил Александр и потребовал:

– Покажите мне завещание!

Карелин молча покачал головой.

– Да что вам, жалко? Дайте мне глянуть... Не верю я, что маман так со мной поступила!

– Левушка, – окликнул Карелина Арсений. – Лева, действительно, покажи нам документ. Ведь он у тебя в папке... Но Лев Петрович был непреклонен.

– Я покажу его вам только с согласия клиентки, – сурово сказал он. – Но поверьте мне на слово, Снежана Алексеевна вас не обманула. Ее состояние наследует Константин.

Родственники вновь принялись обсуждать этот факт. В самый разгар ожесточенных споров на тему, в своем ли уме Снежана, наконец в гостиную вернулась она сама.

– Не зря мне икалось, – хмыкнула она, услышав обрывок разговора. – Так и думала, что вы меня добрым словом поминаете...

– Сестра, ты тоже нас пойми... – осторожно начал Арсений, но она не дала ему договорить:

– Отлично вас понимаю, дорогие родственники. Особенно тебя, братец. Ведь против Сашки вы с дочурой не просто так меня настраивали. Думали, я деньги вам отпишу. А тут такой облом!

Арсений побагровел. Лицо, до этого аристократически бледное, так резко покраснело, что Герда даже испугалась, не хватит ли его удар. Но оказалось, Арсений просто сильно разгневался. С силой швырнув свой бокал в стену, он развернулся на каблуках и вылетел из гостиной. Дарья бросилась за ним.

– Как эффектно! – не изменив своему спокойствию, проговорила Снежана. – Братец всегда умел красиво уходить. А что бокал, который он кокнул, не им куплен и стоит целое состояние, его, конечно, не беспокоит. Помнишь, тетя Хэлен, как он любил рвать на груди шелковые рубашки, купленные матерью на последние деньги? А швырять в окно фамильный перстень? Я уж про фарфор не говорю. Грохнет тарелку из царского сервиза, развернется вот так же и унесется с видом оскорбленной добродетели...

– А мы потом рубахи штопали, перстень искали, ползая на карачках по земле, посуду склеивали, – закивала Хэлен. – А матушка твоя в это время бегала по окрестностям, чтобы найти блудного сына и вернуть домой, пока не натворил глупостей.

– Теперь, как видишь, эти обязанности взяла на себя Дарья.

Хэлен, оставшись без официанта, роль которого исполнял Арсений, встала с дивана и прошествовала к бару, чтобы налить себе водки самостоятельно. Сделав это, она вернулась на свое место и спросила:

– Константин уехал домой?

– Нет, он здесь, – ответила Мороз. – Я попросила его остаться на ночь.

Брови Хэлен взметнулись вверх. От удивления она забыла, что в ее возрасте надо следить за мимикой.

– Ты опять? С ним?...

– Нет, тетушка, ты неправильно подумала, не за тем я попросила его остаться, чтобы возобновить отношения или просто переспать в память о былом... Нам нужно серьезно поговорить. Не впоыхах и не на эмоциях...

– Мама, а со мной не хочешь поговорить? – окликнул Снежану Александр.

– С тобой позже.

– Но я хочу сейчас!

– Слово «хочу» я слышу от тебя по двадцать раз на дню и все жду, когда ты выучишь другое...

– Какое другое?

– «Могу». И оно должно употребляться без частицы «Не». То есть не «Не могу», как обычно... Не могу там учиться, не могу тут работать, не могу это терпеть... А – могу! – Она холодно посмотрела на сына. – Я достаточно ясно объяснила?

Тот не удостоил мать ответом. Молча развернулся и удалился.

– Хорошо, что не в дядю пошел, – хмыкнула мать. – А то бы я не напаслась посуды.

– Неужто ты ему ничего не оставишь? – поинтересовалась Хэлен.

– Почему же «ничего»? Квартиру, в которой он живет, машину, мебель, картину Пикассо... – Она встрепенулась. – Кстати, Лев Петрович, я же забыла о картине! Ее тоже надо внести в завещание...

– Обязательно.

– Тогда пойдемте в кабинет, внесем изменение.

И они удалились. В столовой осталось три человека, но ненадолго. Хэлен, опорожнившая между делом бокал, отставила его, после чего поднялась (что характерно, даже не качнувшись) и негромко, обращаясь не к кому-то, а к самой себе, проговорила:

– Проветриться, что ли, немного? Но сначала в уборную...

И бодро зашагала вон из столовой.

– А я, пожалуй, похаваю, – подал голос Тема. И заспешил к столу, заставленному блюдами, тарелками, розетками, пиалами с экзотическими фруктами, нарезкой, икрой, оливками и прочей вкуснятиной. – Присоединишься? – спросил он у Герды.

Она отрицательно качнула головой.

– А зря! В этом доме всегда самая отменная жрачка... – И он, схватив пиалку с черной икрой, принялся наворачивать ее. Без хлеба, тоста или тартинки. Просто зачерпывал ложкой и отправлял в рот.

Герда пожелала Теме приятного аппетита и оставила его наедине с икрой. То есть ушла, чтобы отыскать своего Кая...

Она блуждала по огромным залам дворца, где все было бело-серебристым и холодным, будто вырезанным из льда. Она заглядывала в темные, совершенно не отапливаемые комнаты, в которых громоздилась старая, покрытая то ли пылью, то ли инеем мебель. Она пересекала длинные, гулкие коридоры, где за ней носился ветер, а одинокие, залетающие

через плохо закрытые окна снежинки устраивали в ее честь ритуальные танцы...

Герде казалось, что она одна в этом огромном ледяном замке, но она точно знала: это обман. Кроме хозяйки, ее подданных, прислуги и гостей в нем еще находится Кай. Он где-то рядом, и она обязана его найти.

Ступив на узкую лестницу, ведущую вниз в подвал, Герда поежилась. Она уже продрохла до костей, и лучше ей было вернуться туда, где тепло, но она не привыкла отступать. Ради Кая Герда преодолела тысячи километров, и теперь, когда их разделяли какие-то жалкие метры, разве могла она повернуть назад?

Глубже запахнув шубку, так кстати накинутую в последний момент на плечи, а озябшие пальцы утопив в пушистый мех воротника, Герда начала спуск. Ступени лестницы были гранитными, и каждый ее шаг сопровождался гулким эхом. Если Кай в подвале, он обязательно услышит его и пойдет к ней навстречу... По крайней мере, Герда очень на это надеялась!

Ступеньки кончились. Герда увидела перед собой приоткрытую дверь подвала. Толкнув ее, она переступила порог...

Помещение было освещено очень слабо. Герда увидела только низкий свод потолка, к которому был прикреплен фонарь. Сняв его с крюка, она вытянула руку и осветила в пространство...

Кай оказался всего в трех метрах от Герды. Он сидел на

полу, привалившись к стене, а его синие глаза были устремлены куда-то вверх. Как будто Кай хотел проникнуть взглядом через гранит, железобетон, камень, стекло и черепицу и увидеть небо... Небо, которое не так давно рассекали косяки улетающих на юг птиц. Кай сам был родом из теплых краев и наверняка мечтал попасть туда в ту секунду, когда возвел глаза к потолку, потому что в следующий миг он умер. Захолустный городок на юге России, тот самый, где он вырос и который покинул при первом удобном случае, был, бесспорно, лучше загробного царства...

Тем более Кай всегда в него, в царство это, верил и считал, что ад совсем не такой, каким его рисуют. Кипящая лава и раскаленные сковородки? Это он пережил бы если не легко, то довольно спокойно. Ад – это лед, холод, безликая белизна снежных покровов, пронизывающие ветры, бесконечное одиночество...

Ад – это вымерзшая планета! И Кай, похоже, угодил именно на нее!

Герда подошла к трупу того, кого так долго искала, а нашла только сейчас, когда уже ни поговорить, ни ощутить дыхания, ни помочь, ни простить. Подошла и коснулась застывшего лица. Оно оказалось ледяным. Как ад из кошмаров Кая. А в его синих глазах застыла такая обреченность, что хоть плачь. И Герда заплакала. Горячие слезы покатались по ее лицу и стали капать на грудь Кая. Но они не смогли растопить лед его сердца. А все потому, что в нем находился не

кусочек волшебного зеркала, а пуля крупного калибра. Она образовала в грудной клетке Кая такое огромное отверстие, что вырвавшаяся из него кровь залила его белоснежную рубашку и даже брюки...

Герда переместила руку с фонарем левее, чтобы спрятать труп Кая в темноте. И тут в желтый круг света попало валяющееся на полу охотничье ружье. Это была двустволка с красивым резным прикладом. Герда подняла ее, понюхала дуло. Пахло порохом. Значит, Кая застрелили из этого ружья!

Еще один патрон...

Как будто специально для нее!

Герда взяла ружье. Медленно поднесла его к своей груди, положила указательный палец на курок и...

Проносились секунды, пробегали минуты, проходили часы, годы...

Хотя вряд ли годы... И даже часы...

Минуты – тоже маловероятно...

Секунд пятнадцать, не больше, просидела Герда с прижатым к груди дулом, но за это время она о многом передумала, и ей казалось – миновала вечность...

Или теперь каждый миг без Кая будет казаться ей вечностью?

Герда отвела руку с двустволкой и, опершись на нее, поднялась на ноги.

Постояв немного, чтобы окончательно прийти в себя, она поднялась по лестнице. Нужно сообщить о смерти Кости и

ВЫЗВАТЬ МИЛИЦИЮ.

Часть II

Глава 1

Спустя час Герда сидела напротив седого бородатого следователя, представившегося майором Сахаровым Евгением Потаповичем, и терпеливо объясняла:

– Покойный, Константин Михайлович Абрамов, является моим мужем только на бумаге. Мы давно расстались, а не развелись лишь потому, что пресловутый штамп в паспорте никому из нас не мешал.

– То есть вы это с ним обсуждали? – спросил Сахаров, зябко поежившись. Похоже, в этом доме мерзли все, кроме хозяйки.

– Нет. Долгие годы мы не виделись и даже не общались.

– Тогда откуда вы?...

– Это же очевидно, – не дала ему закончить Герда. Она уже поняла, что следователь имел в виду, и сэкономила их общее время – Сахаров оказался очень медлительным. – Если б Косте хотелось стать официально свободным, он подал бы документы на развод.

– А он не подавал?

– Нет.

– Проверим.

– Естественно, проверьте. И убедитесь в том, что я говорю вам правду.

– Не понимаю я... – не сдавался Сахаров. – Люди много лет не видятся, но и не разводятся. Для этого нужна веская причина. К примеру, некоторым политикам или дипломатам желательно быть в браке, вот они...

– Я поняла вас, – снова перебила его Герда. – Но Костя не был ни политиком, ни дипломатом. Как и я.

– А почему вы с ним не разводились? Из-за статуса?

– Не поняла?

– Ну, у вас, женщин, свои заморочки на этот счет... За-мужние у вас в авторитете, а разведенки – уже нет.

– Какие глупости!

– Значит, не из-за этого? А из-за чего?

– Евгений Потапович, а вы сами не догадываетесь?

– Свою догадку я озвучил.

– Но ведь это же так просто... – Герда беспомощно развела руками. Ей трудно было говорить откровенно с незнакомцем, но она понимала, что должна сказать правду: – Я надеялась, что когда-нибудь он ко мне вернется и все будет как прежде...

– Ах вон оно что!

Сахаров задумался. К счастью, ненадолго, и уже через несколько секунд Герда услышала его следующую реплику:

– Тогда почему вы его застрелили?

– Я вам уже говорила, что не стреляла в Костю.

– А как же ваши отпечатки на орудии убийства?

– Я брала его в руки.

– Зачем?

Герда замаялась. Разве могла она сказать о том, что хотела последовать за своим Каем в стылый ад (ведь именно туда попадают самоубийцы)?

– Только не говорите мне, что подняли ружье не подумавши, – заявил Сахаров. – Вы ведь юрист и должны понимать...

И Герда поняла, что ей придется сделать еще одно признание:

– Я хотела застрелиться.

– Вы настолько его любили? – Седые брови Сахарова поползли вверх. Казалось, ему не верилось, что женщина, так скупно проявляющая свои эмоции, может испытывать столь глубокие чувства. – Так любили, что без него не мыслили существования?

– Так любила, что на несколько секунд я утратила желание жить без него, но это прошло.

– Что-то мне не верится, – скептически поджал губы Сахаров. – Уж очень хорошо вы сейчас держитесь.

Да, Герда на самом деле держалась прекрасно. И сейчас, и прежде...

Когда она вышла из подвала и вернулась в гостиную, там были Снежана и Карелин. Они сидели на диване и выпивали. Мороз, увидев Герду, отсалютовала ей фужером, а Лев Петрович спросил:

- Ты где ходишь? Нам пора возвращаться в Питер.
  - Боюсь, нам придется задержаться, – ответила она.
  - Вам так у меня понравилось? – усмехнулась Снежана.
- Герда посмотрела ей прямо в лицо и проговорила:
- Костю убили!

Уголки Снежаниных губ задрожали, затем поползли вверх. Она не поверила! Посчитала услышанное жестокой шуткой или просто слуховой галлюцинацией. Это было нормально. Герда много раз наблюдала за людьми, которым сообщали о смерти близких, и больше половины из них первые секунды вот так же глупо улыбались, потому что не верили услышанному...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.